

Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Серия «Proxima»

А. А. ШАДРИН

**Реальность
пограничного существования «Я»
в «мире» Даниила Хармса**

Монография

Ижевск
2009

УДК 87.224.2

ББК 165

Ш 163

Рецензент

доктор философских наук, профессор

О. Н. Бушмакина

Шадрин А.А.

Реальность пограничного существования «Я» в «мире» Даниила Хармса: монография. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. – 122 с.

В монографии собраны тексты, написанные в разное время, но объединенные общей исследовательской тематикой – философским анализом творчества «чинарей». В это эзотерическое содружество входили Я. С. Друскин, Л. С. Липавский, Д. И. Хармс, А. И. Введенский и Н. М. Олейников. Книга предназначена для философов, филологов, культурологов и всех тех, кто интересуется идеями русского авангардизма.

Все тексты Д. И. Хармса, помещенные в Приложение, воспроизводятся по изданию: «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях / Сост. В. Н. Сажин. В 2 т. М., 1998. Т. 2.

ISBN 978-5-904524-20-3

© А.А. Шадрин, 2009

© ГОУ ВПО «Удмуртский
государственный университет», 2009

**Реальность
пограничного существования «Я»
в «мыре» Даниила Хармса**

Данное исследование представляет собой текст дипломной работы, выполненной и защищенной на филологическом факультете Удмуртского государственного университета в 1997 г.

Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент кафедры философии **О. Н. Бушмакина**, соруководитель – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века и фольклора **Е. А. Подшивалова**.

Проблематика проведенного исследования сохраняет актуальность и сегодня, поскольку творчество Д. Хармса неразрывно связано с философским концепциями Я. Друскина и Л. Липавского, труды которых были опубликованы лишь в последнее десятилетие. Представленные в монографии тексты – одни из первых шагов на пути к более глубокому осмыслению философско-литературного наследия чинарей.

СОДЕРЖАНИЕ

	Введение	5
§ I	Мера реальности и реальность меры в «Измерении вещей» Хармса: попытка определения понятий <i>реальное искусство</i> и <i>реализм</i> ...	11
§ II	Обнаружение реальности в процессе регистрации мира: рассечение-восстановление миропорядка в «Сабле»	15
§ III	Текучесть предметных границ реальности: искусство как квинтэссенция мысли предметного мира	20
§ IV	Со-бытие «Я» на границе между «этим» и «тем»: реальность искусства	25
§ V	Основания цисфинитной логики в трактатах Хармса «Падение ствола», «Нуль и ноль», «О круге»	28
§ VI	Место «Я» в пространственно-временном существовании реальности: приношение себя-в-слове и слова-в-себе	35
	Заключение	38
	Примечания	40
	Библиографический список.....	44
	Приложение	48

*Посвящаю моей сестре
Валентине Сергеевне Урсеговой*

Введение

Интерес к жизни и творчеству Даниила Хармса в последние полтора-два десятилетия связан, прежде всего, с появившимися за эти годы первыми публикациями его "взрослых" текстов (цикл "Случаи", пьеса "Елизавета Бам" и др.), составляющих, как теперь выяснилось, большую и лучшую часть литературного наследия писателя. Между тем, сугубо литературоведческие исследования в данной области сталкиваются с целым рядом трудностей, главная из которых заключается в том, что тексты Хармса филологически "не выправляются" для осмысленного чтения, активно сопротивляются и даже противостоят такому их освоению.

Литературоведение, стремясь осмыслить "бессмыслицу", по существу, лишь констатирует наличие в произведениях Хармса тех или иных отклонений от нормы, будь то нарушение причинно-следственных отношений, несоблюдение законов семантической и синтаксической сочетаемости, дискредитация моделей речевого поведения и т.д. и т.п., не задаваясь вопросом *почему* это происходит.

Работы А. Кобринского [17; 18], А. Герасимовой [9], А. Никитаева, М. Мейлаха [26], а также статьи А. Александрова [1; 2], И. Вишневецкого [7], А. Стригалева [34] и некоторых других авторов, посвященные изучению поэтики Хармса, все без исключения обходят стороной попытку поэта создать собственную философскую систему, осмысляющую сам процесс художественного творчества и дающую возможность услышать ответ на поставленный нами вопрос *почему*.

И только в монографии швейцарского филолога Жана-Филиппа Жаккара "Даниил Хармс и конец русского авангар-

да", вышедшей в 1995 в русском переводе (оригинальное издание на французском языке вышло в 1991 году в Берне), разбору философских сочинений писателя отведено довольно значительное место [15]. Этот разбор, однако, не удовлетворяет требованиям *философского* анализа, поскольку Жаккар, оставаясь в рамках литературоведения, не применяет собственно философских методов для прочтения текстов, имеющих непосредственное отношение к философии.

Поэтому цель нашей работы заключается именно в том, чтобы, используя разработанный Ф. В. Й. Шеллингом философский метод *диалектики тождества*, получивший в XX веке свое развитие в трудах М. Хайдеггера ("Время и бытие", "Что такое метафизика", "Путь к языку", "Письмо о гуманизме" и др.), проследить способы пограничного существования "Я" в "мыре" Даниила Хармса, "мыре", подтверждающем саму реальность искусства как такового.

В ходе подготовки к написанию нашей работы мы ознакомились также с некоторыми (доступными в настоящее время) трактатами двух философов – Я. С. Друскина и Л. С. Липавского, общение которых с Хармсом на протяжении пятнадцати лет решительным образом повлияло на мировоззрение последнего. Это "Вестники и их разговоры", "Это и то", "Классификация точек", "Движение" Друскина и "Исследование ужаса" Липавского. Кроме того, "Разговоры" Липавского, являющиеся аутентичной (насколько это возможно вручную) записью бесед, происходивших в 1933-1934 гг. в узком кругу чинарей и их друзей, свидетельствуют о том, что на этих дискуссиях, помимо чтения чинарями друг другу своих сочинений, обсуждались важнейшие вопросы философии и литературы в целом. Все эти материалы, опубликованные в московском философско-литературном журнале "Логос" [22], особенно помогли нам в плане сообщаемой ими информации, степень значимости которой для нас просто неоценима.

В параграфах нашего исследования мы ставили перед собой следующие задачи. В § 1 – проанализировать осмысление меры в трактате Хармса "Измерение вещей" и показать возможность разделения понятий *реальное искусство* и *реализм*; далее, в § 2 – объяснить возникновение реальности в процессе регистрации мира действительным инструментом измерения – саблей (трактат Хармса "Сабля"); далее, в § 3 – охарактеризовать текучесть предметных границ реальности через конкретную систему, предложенную Хармсом, в которой искусство как квинтэссенция мысли предметного мира сохраняет внутри языкового ряда "связь значений сущих и по счету пятых" (трактаты "Одиннадцать утверждений Д. И. Хармса" и "Предметы и фигуры, открытые Даниилом Ивановичем Хармсом"); далее, в § 4 – проанализировать способ существования "Я" на границе между "этим" и "тем" как со-бытие, подтверждающее реальность искусства (трактат Хармса "Мыр"); далее, в § 5 – исследовать основания цисфинитной логики Хармса в трактатах "Падение ствола", "Нуль и ноль", "О круге"; и, наконец, в § 6 – проанализировать положение "Я" в пространственно-временной структуре реальности, образующей собой Узел Вселенной в трактате Хармса "О времени, о пространстве, о существовании".

Таким образом, наша работа включает в себя шесть параграфов, примечания, введение и заключение, библиографический список и приложение. В приложение мы сочли необходимым поместить восемь из девяти анализируемых нами трактатов Даниила Хармса (к сожалению, мы не смогли найти полный текст трактата "Падение ствола"*), для того, чтобы эти малодоступные тексты находились всегда под рукой у тех, кого заинтересует тематика предлагаемого нами исследования.

* Сегодня, к счастью, этот текст опубликован полностью; он занимает свое место в приложении.

* * *

В одной из тетрадей Даниила Хармса мы находим восемь текстов, представляющих собой рукопись, как бы подготовленную к изданию. Нумерация страниц и наличие оглавления свидетельствуют о том, что собранные в тетради трактаты¹ образуют по авторскому замыслу некое целое. Порядок текстов таков:

1. Измерение вещей (17-21 ноября 1929);
2. Сабля (19-20 ноября 1929);
3. Одиннадцать утверждений Д. И. Хармса (18 марта 1930);
4. Предметы и фигуры, открытые Даниилом Ивановичем Хармсом (8 августа 1927);
5. Мыр (30 мая 1930);
6. Падение ствола (16 октября 1930);
7. Нуль и ноль (9-10 июня 1931);
8. О круге (10-17 июня 1931) [15. С. 330].

Хронология, как мы видим, не соблюдена, то есть тексты были переписаны и расположены в определенном порядке (в оригинале в двух последних – дореформенная орфография, которую Хармс никогда до конца не отвергал).

Следует подробнее остановиться на периоде написания трактатов, так как этим четверем годам (август 1927 г. – июнь 1931 г.) свойственна некая философская наполненность и, следовательно, поэтическая зрелость, которой репрессии (первый арест поэта в декабре 1931 года и последовавшие затем заключение и короткая ссылка в Курск) вскоре нанесут непоправимый удар, что найдет свое отражение в дальнейшем творчестве Хармса.

Первой серьезной попыткой изучения непосредственного окружения поэта (интеллектуального и артистического) можно считать, на наш взгляд, монографию Ж.-Ф. Жаккара

"Даниил Хармс и конец русского авангарда" [15]. Здесь мы найдем имена тех, с кем Хармс тесно общался и чьи идеи оказали значительное влияние на формирование поэтической и философской систем писателя. Знакомство Хармса с Александром Введенским, Яковом Друскиным, Леонидом Липавским и Николаем Олейниковым, состоявшееся в 1925 году, послужило началом их дружбы и творческого взаимовлияния. Об объединении *чинарей*² (мы только что перечислили их имена) говорят и пишут гораздо меньше, чем об Объединении реального искусства, хотя сама группа ОБЭРИУ, просуществовавшая всего около двух с половиной лет, была всего лишь заключительным звеном в серии трансформировавшихся один в другой творческих союзов: "*Левый фланг*" (заумников) – "*Радикс*" (театральный коллектив) – "*Фланг левых*" – "*Левый фланг*" (условно – "Союза поэтов") – "*Академия левых классиков*" и, наконец, ОБЭРИУ [30. С. 12].

Общение Хармса с художниками и в первую очередь с Малевичем (связывавшие их отношения можно определить даже как отношения ученика и учителя) – отдельная тема. Вот, например, как вспоминают о первой встрече с главой супрематизма Г. Кацман и И. Бахтерев: "Введенский взялся организовать связь с ИНХУКом. Тут же на пятисотрублевой николаевской ассигнации постановщик написал заявление Малевичу. (...) Заявление было завязано в "старушечий" узелок, позвонили Малевичу и тотчас же отправились к нему."; "Войдя в здание ИНХУКа, мы (Введенский, Кацман, Хармс и я) разулись и дальше шли босыми, а войдя в кабинет Малевича, встали на колени. Малевич тут же поднялся с места и встал на колени перед нами. Так, коленапоклоненные, мы начали разговор" [15. С. 309].

Экземпляр теоретической работы Малевича "Бог не скинут", подаренный ее автором Хармсу 16 февраля 1927

года, имеет следующее посвящение: "Идите и останавливайте прогресс". В дальнейшем мы еще вернемся к значению этой фразы, а также к тем выводам, которые обобщают размышления Малевича и высказаны им в манифесте "Супрематическое зеркало":

"(...)

4) Если религия познала бога, познала нуль.

5) Если наука познала природу, познала нуль.

6) Если искусство познало гармонию, ритм, красоту, познало нуль.

7) Если кто-либо познал абсолют, познал нуль" [15. С. 74].

Далее, приступая к непосредственному анализу текстов тетради в той последовательности, в какой расположил их автор, нам необходимо пояснить, что сам порядок трактатов, как мы полагаем, последовательно воспроизводит общее представление Хармса о *реальности*: реальности вещи, слова и человеческого существования.

§ I

Мера реальности и реальность меры в "Измерении вещей"
Хармса: попытка разделения понятий *реальное искусство*
и *реализм*.

/Трактат "Измерение вещей"/

Само название является постановкой проблемы и определяет тематику поэтического диалога-спора между защитниками традиций, предпочитающими старинную единицу измерения *вершок* (ДРУЗЬЯ), представителем науки (ПРОФЕССОР ГУРИНДУРИН), строителем (ПЛОТНИК), знающим "*косую сажень*" и, наконец, Ляполяновым, взгляды которого выражают позицию автора.

Фамилия профессора, утверждающего, что "вещи измеряются вилкой", говорит сама за себя. Кроме того, здесь прослеживается мысль о принципиальной невозможности научного познания вещей и, следовательно, существующих между ними связей³. Плотник, имеющий собственную меру – *сажень*, говоря о строительстве дома, на наш взгляд, несколько удаляется от предмета спора и потому стоит как бы особняком. Интересно, что в следующем трактате ("Сабля") плотник вооружен уже не тяжелым молотком, а **саблей**. Теперь он становится мастером разрушения и именно это делает возможным его отождествление с авторским Я:

"Я плотник саблей вооруженный,
 встречаю дом как врага.

Дом саблей в центр пораженный
 стоит к ногам склонив рога" [40. С. 111].

Ляполянов, предлагая новые измерения, заявляет:

"В самых маленьких частичках
 в элементах,
 в ангелочках,

в центре тел,
 в летящих ядрах,
 в натяженьи,
 в оболочках,
 в ямах душевной скуки,
 в пузырях логической науки –
 измеряются предметы
 клином, клювом и клыком" [40. С. 107].

Здесь перед нами проходит ряд бесконечно малых, нематериальных по своей природе образований (*частички, элементы, ангелочки*), границы которых не поддаются четкому определению (*ямы душевной скуки, пузыри логической науки*). По сути, нематериальность – это как раз то, что объединяет составляющие этого ряда, но она же, с другой стороны, не может быть использована для измерения конкретных предметов. На наш взгляд, очень важно понять, что нематериальность в данном случае не означает несуществование, поскольку само присутствие в тексте этих (или каких-либо других) образований является частью языковой реальности.

В итоге Ляполянов отказывается от меры как таковой и предлагает иное решение:

"Я теперь считаю так:
 меры нет.

Вместо меры наши мысли
 заключенные в предмет.

Все предметы оживают
 бытие собой украшают" [40. С. 107].

Такое решение позволяет предметам существовать свободно, независимо друг от друга; теперь на их отношения не распространяются ограничения обыденной логики. Предметы оживают, то есть становятся **монадами**⁴ – субстанциальными единицами бытия. Но всеми этими качествами наделяют предметы мысли поэта.

*Я – мысли – заключенные в предмет:
предмет – форма,
мысли – содержание.*

В момент взаимодействия предметов друг с другом и происходит зарождение нового смысла, новых связей. Об этом пишет Заболоцкий в главе "Поэзия обэриутов", одной из четырех глав декларации ОБЭРИУ: "В момент действия предмет принимает новые конкретные очертания, полные действительного смысла" [30. С. 540].

Действительный смысл открывает, разворачивает и перед автором, и перед читателем новую реальность – **реальность искусства** (< лат. *realis* – действенный, вещественный), слово оживляет предметы, оно само становится *плотью*. Реализм же, отражая "действительность", копируя ее, умерщвляет язык. Весь диалог – это сопоставление или сравнение двух методов, один – реалистический (реализм), имеющий свой набор инструментов измерения: вершок, косую сажень, метр (где метр символизирует предел возможностей и абсурдность такого направления – количественного или эволюционного), и дугой – реальное искусство, в котором мера (мысли художника) становится качественным показателем.

Мы можем проследить различие между этими методами иначе, двумя цепочками рассуждений:

I. Реальное искусство: движение от слова к предмету ~ именование мира, или творчество ~ Я → ЯЗЫК ← МИР, где язык становится местом действия, или местом притяжения, или местом встречи субъекта и объекта ~ S ≅ O, где ≅ означает "некоторое равновесие с небольшой погрешностью" (один из основополагающих терминов философии Друскина*) ~ появление нового смысла (новых смыслов) ~

* Эту формулу, переведенную на латинский язык, чинари распевали на мотив польки [27. С. 89].

бес-конечная возможность прочтения ~ **искусство как реальность имеет место**.

II. Реализм: движение от предмета к слову, где предмет – причина, а слово лишь следствие ~ искусство приравнивается к действительности** ~ появление статики ~ автор как наблюдатель трансцендентен (абсолютен) ~ суждение о полноте или неполноте существования наблюдаемых величин ~ совершенство /автора/ по отношению к несовершенству /мира/ ~ исчезновение автора (его совпадение с произведением как данностью) ~ место автора занимает абсолютная точка зрения или идеология (например, тот же соц. реализм) ~ полное равновесие (субъект-объектные отношения внутри текста predeterminedены и подчинены какому-либо направлению развития, то есть служат, как правило, для раскрытия "истины") ~ смысл задан заранее ~ прочтение текста не имеет смысла (или достаточно разового прочтения) ~ искусство как реальность **не** имеет места (а имеет место что-то другое, чаще всего так называемая "правда жизни").

В итоге, *мера реальности* отойдет к первой цепочке как осмысливание Я принимаемого им участия в сотворении языка-действия, а *реальность меры* (или ее постулирование) – ко второй как невозможность в силу заурядности положения Я по отношению к миру внутриязыковой деятельности.

Таким образом, разграничив эти понятия (*реальное искусство* и *реализм*), мы можем в дальнейшем сконцентрировать наше внимание на реальности как таковой и на логике ее воплощения в последующих трактатах тетради, а также некоторых других текстах Хармса.

** Действительность здесь не как действие и деятельность, а как *данность*.

§ II

**Обнаружение реальности в процессе регистрации мира:
рассечение-восстановление миропорядка в "Сабле".**

/ Трактаг "Сабля"/

Самостоятельное существование здесь дано как отправная точка дальнейших рассуждений. Самостоятельно существующее Я обладает способностью выделять предметы, лежащие вовне, и определяет границы между частями мира. Части мира – предметы, или точки – получив самостоятельность, начинают собственное существование, теперь они (как и Я) открыты для восприятия других частей. Они, как и Я, в равной степени обладают всем тем, что лежит за границами их существования.

Эти точки не лежат на одной прямой, их нельзя выстроить в логический ряд, они не связаны между собой причинно-следственными отношениями. Их движение разнонаправлено.

Освободив предметы, Я освобождает и части речи, которые теперь тоже не подчиняются законам логических рядов. **Слово освобождает предмет, а предмет – слово.** Новому поколению частей речи принадлежат новые качества: язык начинает звучать иначе, рифма (как метафора вдохновения) позволяет увидеть мир таким, каков он есть на самом деле:

"Ура! стихи обогнали нас!" [40. С. 109].

Теперь уже *языковая реальность* изменяет отношение Я-субъекта к окружающему миру, но прежде язык приводит в движение, преобразует деятельность Я. У Я-субъекта появляется новое качество – **воля**, которая позволяет ему отделить себя от остального мира: "Все существующее вне нас перестало быть в нас самих" [40. С. 109]. Кроме того, воля

дает ему возможность проходить "сквозь других". (Введенский в "Разговорах" воспроизводит слова Хармса о том, что "искусство должно действовать так, чтобы проходить сквозь стены" [21. С. 29].)

Обнаружив свое качество, то есть свою индивидуальность – единое и неделимое – поэт может приступить к работе. Работа – творческий процесс – состоит в *регистрации* мира. Термин "регистрация" в словаре (< лат. *registrum*) толкуется как (1) внесение в список, в учетную книгу; составление перечня, описи; (2) запись фактов или явлений в целях учета или придания им законной силы [23. С. 236].

Но регистрация мира как *творческий процесс* предполагает некий порядок или *чистоту порядка*, о которой Хармс говорит в одном из писем к К. В. Пугачевой: "Эта чистота одна и та же в солнце, траве, человеке и стихах. Истинное искусство стоит в ряду первой реальности, оно создает мир и является его первым отражением. Оно обязательно реально" [41. С. 483].

Я освобождает язык или приводит в порядок или *восстанавливает* чистоту порядка, то есть приближает к реальности, или самостоятельному существованию. Иными словами, Я выступает как *медиатор* (по-средник) или как *medium* (середина) между *этим* (миром) и *тем* (языком), Я дает саму возможность существования *того* (мира) и *другого* (языка текста): **Я озвучивает мир, превращая его в текст, и, регистрируя мир, определяет тем самым *регистр* его звучания.**

Только чистота порядка способна обнаружить ту силу, ту мощь языка⁵, о которой идет речь в следующем тексте Хармса:

"Сила, заложенная в словах, должна быть освобождена. Есть такие сочетания из слов, при которых становится заметней действие силы. Нехорошо думать, что эта сила

заставит двигаться предмет. Я уверен, что сила слов может сделать и это. Но самое ценное действие силы – почти неопределимо. Грубое представление этой силы мы получаем из ритмов метрических стихов. Те сложные пути, как помощь метрических стихов при двигании каким-либо членом тела, тоже не должны считаться вымыслом. Это грубейшее и в то же время слабейшее проявление словесной силы. Дальнейшая сила этой силы вряд ли доступна нашему рассудительному пониманию. Если можно думать о методе исследования этих сил, то этот метод должен быть совершенно иным, чем методы, применяемые до сих пор в науке. Тут, раньше всего, доказательством не может служить факт или опыт. Я ХЫ затрудняюсь сказать, чем придется доказывать и проверять сказанное. Пока известно мне четыре вида словесных машин: стихи, молитвы, песни и заговоры. Эти машины построены не путем вычисления или рассуждения, а иным путем, название которого АЛФАВИТЬ" [15. С. 33].

Возвращаясь к тексту "Сабли", следует остановиться на отношении Хармса к числу и числовому ряду. Число понимается им как *природная* сущность, как *качественное*, а не количественное образование: "Единица регистрирует мир своим качеством. Так должны поступать и мы" [40. С. 110].

Единица как понятие чего-либо или как понятие качества может реализовывать себя в любом количественном (арифметическом) образовании, где количество всегда есть сумма неких свойств или качеств, не приравненных друг к другу. Таким образом, количество определяется качеством, а не наоборот. Поэтому числа (как и части мира, предметы или точки) – это независимые сущности, освобожденные от линейного, произвольного порядка. Число как слово обладает теперь самостоятельным существованием⁶.

Еще один текст Хармса подтверждает и развивает далее его понимание чисел:

"Числа не связаны порядком. Каждое число не предполагает себя в окружении других чисел. Мы разделяем арифметическое и природное взаимодействие чисел. Арифметическая сумма чисел дает новое число, природное соединение чисел не дает нового числа. В природе нет равенства. Есть тождество, соответствие, изображение, различие и противопоставление. Природа не приравнивает одно к другому. Два дерева не могут быть равны друг другу. Они могут быть равны по своей длине, по своей толщине, вообще по своим свойствам. Но два дерева в своей природной целостности равны друг другу быть не могут. Многие думают, что числа – это количественные понятия, вынутые из природы. Мы же думаем, что числа – это реальная порода. Мы думаем, что числа – вроде деревьев или вроде травы. Но если деревья подвержены действию времени, то числа во все времена неизменны. Время и пространство не влияют на числа. Это постоянство чисел позволяет быть им законами других вещей. Говоря два, Мы не хотим сказать этим, что это один и еще один. Когда Мы выше сказали "два дерева", то Мы использовали одно из свойств "два" и закрыли глаза на все другие свойства. "Два дерева" значило, что разговор идет об одном дереве и еще об одном дереве. В этом случае "два" выражало только количество и стояло в числовом ряду, или, как Мы думаем, в числовом колесе, между единицей и тремя. Числовое колесо имеет ход своего образования. Оно образуется из прямолинейной фигуры, именуемой крест" [15. С. 127].

Назвав качество *оружием*, и выбрав в качестве оружия *саблю* для того, чтобы "побеждать нашествие смыслов", Я может приступить к *делу*, то есть к регистрации мира. Но сабля как метафора поэтического языка превра-

щается теперь еще и в инструмент измерения: сабля – мера [40. С. 111]. Жаккар отмечает, что сабля, являющаяся для поэта и верой и Глаголом, приводит нас к христианской теме слова Божьего – "острее всякого меча обоюдоострого" [15. С. 92].

В итоге, реальность обнаруживается самостоятельно существующим Я в процессе регистрации мира действительным инструментом измерения – саблей – путем рассеивания сковывающих язык причинно-следственных (нормированных или вторичных) связей, утрата которых восстанавливает чистоту миропорядка. Самостоятельное существование здесь ни в коем случае нельзя понимать категориально как трансцендентное, так как наше Я уже вовлечено в языковой процесс жизнедеятельности и только в нем продумывает свою самостоятельность.

§ III

Текучесть предметных границ реальности: искусство как квинтэссенция мысли предметного мира.

/Трактаты "Одиннадцать утверждений Д. И. Хармса" и "Предметы и фигуры, открытые Даниилом Ивановичем Хармсом"/

Начнем с того, что в примечании к тексту /"Одиннадцать утверждений"/ Хармс ссылается на следующую трактат из той же тетради – "Предметы и фигуры", поэтому мы в своем анализе попытаемся объединить оба текста, то есть прочесть их так, как предполагал автор.

Начнем с "Предметов и фигур".

Существование всякого предмета (неодушевленного и созданного человеком) становится возможным при наличии у него четырех РАБОЧИХ значений (начертательного или геометрического, целевого или утилитарного, значения эмоционального воздействия на человека, значения эстетического воздействия на человека) и ПЯТОГО СУЩЕГО (в нем самом существующего значения).

Рабочие значения связаны с субъект-объектными отношениями, возникающими сразу, как только человек вступает в общение с предметом. Эти отношения могут отражать разные подходы, но они всегда будут подчинены какому-либо направлению (формальной логики, причинно-следственным, грамматическим связям и пр.), что принуждает субъекта постоянно отклоняться в сторону от сути, то есть от *предмета как такового*. Предмет при таком его рассмотрении или восприятии существует (укладывается) в сознании человека лишь как объект (он за пределами нашего взгляда и нашего присутствия), а не как субъект-предмет как таковой. Хармса же (и нас) интересует пятое СУЩЕЕ значение или свободная воля предмета:

"4. Пятым, сущим значением предмет обладает только вне человека, т.е. теряя отца, дом и почву. Такой предмет "РЕЕТ".

5. Реющими бывают не только предметы, но также: жесты и действия.

6. Пятое значение шкафа – есть шкаф. Пятое значение бега – есть бег" [40. С. 114].

Здесь мы не можем не заметить противоречия: предмет как таковой оказывается вне связи с человеком (субъектом), выходит, человек должен исчезнуть или перестать быть человеком. Но это только кажущееся противоречие: оно снимается в тот момент, когда субъект отказывается от рассмотрения предмета в его рабочих значениях; тогда наше Я перестает быть наблюдателем и само становится наблюдаемой реальностью; Я превращается в объект – в предмет, созданный им самим – и узнает пятое СУЩЕЕ значение себя-предмета как предмета-в-себе или себя-объекта как такового. Пятое сущее значение подтверждает сам факт реальности существования Я, а также окончательно освобождает предметы (части мира) от каких бы то ни было произвольных связей.

Хармс, на наш взгляд, неслучайно акцентирует внимание на слове "ШКАФ", так как "шкап" – традиционная метафора у обэриутов⁷ [15. С. 300]. Следовательно, речь идет о реальности существования искусства или искусства как такового – искусства как искусства: его определению или выявлению не может способствовать синтетическая сумма рабочих значений (как система понятий), оно самоопределяется фактом своего существования (в конкретной системе, предлагаемой Хармсом, – как *мысль предметного мира*).

Выстраивая предметы так, чтобы вновь образованный ряд (строка – строфа – текст) нарушал (разрушал) связь их

рабочих значений, Я сохраняет связь значений СУЩИХ и обеспечивает тем самым *единство – целостность – построения*.

Три новых значения – начертательное (знаковое), эстетическое (формообразующее) и сущее (содержательное) – при их переводе в другую (нормативную) систему образуют словесный ряд, человечески БЕСМЫСЛЕННЫЙ.

За пределами новой системы остались два значения – целевое (утилитарное) и эмоциональное. Утрата первого связана с тем, что реальное искусство (в отличие, например, от того же реализма) в принципе не ориентировано на извлечение из него какой-либо пользы или выгоды. Утрата второго нуждается в некотором пояснении: во вступительной статье ко второму тому Полного собрания произведений Александра Введенского М. Мейлах, ссылаясь на воспоминания Я. С. Друскина, приводит одну из формул Хармса – "*арбуз – дыня – арбуз*" (дыня лучше, чем арбуз, но самый лучший арбуз снова лучше дыни), которой Хармс выражал идею о том, что неэмоциональное искусство выше эмоционального, но самое высшее искусство – снова эмоционально, хотя это уже "эмоции" иного порядка [6, Т. 2. С. 22].

Установка на антиэмоциональность искусства особенно ярко и четко дается Введенским, чье влияние на Хармса (во всяком случае, на первом этапе творчества, то есть до 1932 года) не подлежит никакому сомнению⁸:

"выньте душу из груди
прибежал конец для чувства
начинается искусство" [6, Т. 1. С. 71].

Лучшей иллюстрацией "Предметов и фигур", на наш взгляд, является стихотворение⁹ Хармса "Звонитьлететь" (1930), где все то, о чем мы говорили выше, находит реальное воплощение в художественном тексте [30. С. 273-275].

Состояние невесомости мира (всех его одушевленных и неодушевленных частей, а также абстрактных категорий), свободное парение приводят к отказу от грамматических отношений (что объясняет употребление инфинитива); мир начинает звучать (звенеть) в высоком регистре, и звенящее начало алфавита (А звенит. / Б звенит.) открывает путь редукции речевого материала к чистым звукам (В. Хлебников¹⁰ называл их *семенами слова* или *зернами языка*), путь, "название которого АЛФАВИТЬ" [15. С. 33].

На этом мы заканчиваем рассмотрение "Предметов и фигур" и переходим к "Одиннадцати утверждениям". Здесь необходимо сделать оговорку по поводу предлагаемой нами трактовки данного текста. Мы допускаем возможности (заложенные, кстати, в самой логике построения трактата) иных его истолкований, но первичной, на наш взгляд (и на взгляд автора), является его связь именно с "Предметами и фигурами".

Мы даже не будем собственно анализировать "Одиннадцать утверждений", мы предлагаем воспринять их действительно как утверждения, вытекающие из двенадцати пунктов предыдущего (или, вернее, последующего) текста. В качестве двенадцатого утверждения, на наш взгляд, выступает последняя фраза трактата (Я пишу высокие стихи.), которая восстанавливает (и завершает) цепочку соответствий [40. С. 112-114].

Вводимое Хармсом понятие *текучести* (IX, X, XI утверждения) мы можем связать с очень популярными в то время идеями А. Бергсона, а также с именем Александра Туфанова, на сотрудничестве которого с чинарями (Введенским и Хармсом) достаточно подробно останавливается Жаккар [15. С. 34-49]. Для нас же особенно важным является здесь то, что текучесть определяет саму *логику мышления Я* (или так называемую "алогичность" Хармса):

только подвижность мира, подвижность границ между его частями – внутренняя подвижность – дает ему право на реальное (самостоятельное) существование; эта подвижность непрерывна и бесконечна, она обнаруживает себя начиная с алфавита и заканчивая уровнем пятых сущих значений, но не заканчивается на них (так как это только один из этапов или одна из стадий понимания процесса творчества), а продолжает реализовываться (теми или иными своими качествами) в других текстах.

В итоге, три новых значения (знаковое, формообразующее и, *the last but not the least*^{*}, содержательное), сопровождающие текучесть предметных границ /первой/ реальности, и составляют вновь образованную Хармсом конкретную систему, в которой искусство как *квинтэссенция мысли предметного мира*, нарушая связь рабочих значений, сохраняет внутри языкового ряда "связь значений сущих и по счету пятых" [40. С. 114].

* Последнее в ряду, но не по значению (англ.).

§ IV

Со-бытие "Я" на границе между "этим" и "тем":
реальность искусства.

/Трактат "Мыр"/

Мир как нечто единое изначально недоступен взгляду: Я видит только части мира, Я наблюдает свойства этих частей и делает науку (предметы определены – отсюда научное знание о них или их *рабочие значения*). Одни и те же части обладают разными свойствами – умными и неумными, поэтому Я делит части и дает им имена.

Таким образом, уже в первом абзаце текста сконцентрировано то понимание процесса творчества, о котором мы говорили, анализируя предыдущие трактаты (выделение предметов, лежащих вовне – их разграничение – нахождение основных свойств или качеств – именование мира).

Другие части – способные думать – похожи друг на друга, они, как и Я, обладают зрением, то есть открыты для восприятия других частей и тоже ведут самостоятельное существование.

Диалог с этими частями (*маленькими точками*) приводит к появлению в тексте времени и *пространства трех поворотов*. Это пространство, то есть некоторое расстояние между точками преодолевается, когда Я переводит (перемещает) взгляд с одной части мира на другую. Поворот как движение не по прямой – как смена направления движения – не исключает вероятность выхода за пределы исследуемой области: Я неожиданно (вдруг) перестает видеть части мира и попадает в НИЧТО (*реально – в нечто*). Видение мира *зараз* – целиком – оказывается для Я на какое-то (одно) мгновение возможным, но не поддающимся описанию: узнав бесконечность – безграничность – мира,

Я тут же перестает его видеть. Но знание о мире – о его единстве – существовало в Я *всегда*:

"И я всегда знал, что такое мир..." [40. С. 115].

Следовательно, Я в это мгновение, узнав бесконечность, повстречалось с самим собой:

"А потом я понял, что я и есть мир" [40. С. 115].

В результате мы получаем следующее "двоемирие":

1. Я – мир, или *мир-во-мне*, где Я-субъект отождествляется с Я-объектом: **конечная бесконечность** (внутренний мир);

и

2. Мир – не я, или *я-в-мире*, где мир (объект) окружает Я как части или точки и не отождествляется с Я-субъектом: **бесконечная конечность** (внешний мир).

Реальное существование этих двух миров, точнее, их со-существование становится возможным только в процессе языковой деятельности Я (Я говорил себе, что я вижу мир.), когда Я находится на границе между *этим* (*мир-во-мне*) и *тем* (*я-в-мире*) и, по сути, само являет собой границу или препятствие, не давая (не позволяя) тому и другому слиться воедино и прекратить тем самым не только свое существование, но и существование Я.

Тем не менее, Хармс (на то он и Хармс) находит способ объединить эти два начала (конечную бесконечность Я и бесконечную конечность мира) в одном слове – **мыр**, соединив мы (*как присутствие Я там и там*) и мир (*мы + мир*).

В философии Я. С. Друскина "это и то" (трактат "Признаки вечности") составляют *формулу существования* и, вне всяких сомнений, могут быть нами соотнесены¹¹ (если не отождествлены!) с "двоемирием" Хармса: "Я вижу два места: это и то. Признаки одного места мне известны. Некоторое усилие связано с ним. Признаки другого из-

вестны мне меньше. Я искал места, где я был. Это и то – места, где я был. Между этим и тем также мое место. Может быть, это последнее место, но там ничего нет. В этом есть небольшая погрешность. Это и то не соединены. Они стоят разделенные: это как это и как то" [15. С. 134].

Эта разделенность была показана нами ранее (см. анализ текста "Измерение вещей") при сопоставлении двух методов – (I) *реального искусства* и (II) *реализма*. Но если тогда речь шла о принципиальном различии между ними (о разграничении понятий), то теперь, проанализировав "Мыр", мы можем говорить о попытке Хармса занять ту позицию, при которой (*через пограничное состояние Я*) имманентное восприятие мира (мир-во-мне) не противоречит трансцендентности положения Я-субъекта по отношению к окружающим его частям, предметам или точкам (я-в-мире).

Граница между *этим и тем*, в итоге, преодолевается (снимается) путем ее переноса в языковую реальность. Иными словами, *пограничное существование и есть реальное существование*; оно обнаруживает себя в тексте как подвижность (иначе – *текучесть*) границ внутри него, как *поворот или выход-вход* туда, где Я открывает – подтверждает – подлинность (реальность) собственного существования – относительно *этого и того* – как присутствие *мира-в-себе и себя-в-мире*. Окончательно (Жаккар отмечает, что название трактата Хармс добавил в последнюю очередь, когда переписывал текст набело) – как *соприсутствие или со-бытие*, то есть собственно *мыр* [15. С. 345]. Здесь нашли свое место *это и то*.

§ V

Основания цисфинитной логики в трактатах Хармса
"Падение ствола", "Нуль и ноль", "О круге".

/Трактат "Падение ствола"/

К сожалению, в нашем распоряжении находятся лишь несколько фрагментов (два пункта из шести) этого философско-математического¹² трактата, написанного Хармсом в форме письма и адресованного Леониду Липавскому, поэтому мы в своем анализе (который, безусловно, не может быть назван полным) попытаемся сосредоточить внимание на центральном понятии данного текста, то есть на *цисфинитуме*. **Cisfinitum** – первое название трактата, второе – "Падение ствола" – фигурирует в самом тексте как подзаголовок и упоминается Хармсом в оглавлении рукописи [15. С. 94].

Вот все, что мы имеем:

"Пункт 1:

1) будем считать всякую дисциплину *творческой*, если она не опирается на постулаты категории E.

2) Всякую дисциплину, опирающуюся на постулаты категории E, будем считать *нетворческой*.

3) Логическая наука ("формальная логика", "Законы мысли") опирается на постулаты категории E, следовательно, она нетворческая.

4) Искусство не может опираться на постулаты категории E, следовательно, оно есть творческая дисциплина.

5) Говорю о творческой науке, не могу опираться на постулаты категории E.

(...)

Пункт 6.

Если творческой науке придется иметь дело с понятием количества, то можно предвидеть, что система счисления должна быть иной, нежели наш солярный корпус. Скромно замечу, что новая система счисления будет нулевая и область ее исследования будет *Cisfinitum*.

На этом, дорогой Леонид Савельевич, разрешите кончить письмо и пожелать Вам спокойной ночи. Я же, раздумывая над *цисфинитной* пустотой, готов и постоять, пока люди, считая до ста, торопятся уснуть, а коварный Мукк со своими собаками собирается на охоту" [15. С. 94; 15. С. 337].

Общение Хармса с Я. С. Друскиным и Л. С. Липавским (посещавшими в Петроградском университете лекции Николая Лосского) не прошло для него даром, и он скорее знал, чем не знал о том, что буквой E латинского алфавита в логике принято обозначать общеотрицательное суждение (E – первая гласная лат. слова *него* – *отрицаю*) – отсюда связь логической науки ("формальной логики", "Законов мысли") с постулатами категории E. Следовательно, Хармс отказывается от *отрицания как такового*. Отказывается потому, что искусство как творческая дисциплина, основанная на *нуле*, исключает саму возможность отрицания чего бы то ни было (в том числе, как это ни парадоксально на первый взгляд, самого отрицания¹³). В новой системе и области ее исследования – *цисфинитуме* – *возможно* (не можно, а именно возможно) *все*; на границе между *этим* и *тем* – отказ от отрицания (и отрицания отрицания).

Термин *cisfinitum* в его понимании Жаккаром подтверждает (пусть даже косвенно) нашу догадку относительно необходимости отказа от общеотрицательных суждений: *cis* этимологически означает "по эту сторону", *finitum* – "законченное" [15. С. 94]. То есть мы находимся

там, где происходит зарождение смысла, полнота которого может быть обнаружена Я только на границе между двумя мирами, двумя направлениями, имеющими одно сущностное (сущее) начало или "единицу опоры" – нуль [15. С. 94].

Между *этим* и *тем* – **виртуальная реальность** как возможность проявленности или раскрытия смысла.

Таким образом, нуль, во-первых, возвращает нас к "Супрематическому зеркалу" Малевича (*нуль Малевича – цисфинитная пустота Хармса – пустота как место, или пространство, освобожденное, очищенное, подготовленное для восприятия смысла*), а во-вторых, позволяет легко перейти к рассмотрению двух последних трактатов тетради (непосредственная связь между этими тремя текстами очевидна).

/Трактаты "Нуль и ноль", "О круге"/

После внимательного прочтения этих двух дополняющих¹⁴ друг друга трактатов, в результате их попунктного сопоставления проблема восприятия-узнавания бесконечности (или *цисфинитума*), так или иначе поднимаемая здесь Хармсом и являющаяся для него, по сути, основополагающей, разворачивается перед нами в следующих подходах к ее разрешению.

(1) Ноль и круг для Хармса синонимы не только и не столько в "смысле геометрическом", хотя уже одно это начертательное (*первое рабочее*) значение обнаруживает в образовании круга некое совершенство – *радиус*¹⁵ (лат. *radius* букв. *спица колеса, луч*) – все точки окружности (поверхности или границы) находятся в одинаковом положении по отношению к центру (кратчайшее расстояние между любой из них и центром всегда одно).

(2) Поэтому применительно к числам действительны количественные характеристики: числа не больше и не меньше друг друга, так как все они имеют одну общую "единицу опоры" (*нуль*) и составляют прямую, сломанную "одновременно во всех своих точках", "бесконечное количество изменений" или *деформация* которой делает ее совершенной ("идеальная замкнутая кривая" или окружность – *ноль*) [40. С. 116].

(3) Не будем забывать о том, что "числовое колесо имеет ход своего образования" и "образуется из прямолинейной фигуры, именуемой крест" [40. С. 118].

(4) Следующая цитата из текста Хармса "Бесконечное, вот ответ на все вопросы..." (1932) поможет нам еще ближе подойти к сути обсуждаемой здесь проблемы:

"(...) Вот числа. Мы не знаем что это такое, но мы видим, что по некоторым своим свойствам они могут располагаться в строгом и вполне определенном порядке. И даже многие из нас думают, что числа есть только выражение этого порядка, и вне этого порядка существование числа – бессмысленно. Но порядок этот таков, что началом своим предполагает единство. Затем следует единство и еще единство и т.д. без конца. Числа выражают этот порядок: 1, 2, 3 и т.д. И вот перед нами модель бесконечности одного направления. Это неуравновешенная бесконечность. В одном из своих направлений она имеет конец, в другом конце не имеет. Что-то где-то началось и нигде не кончилось, и пронзило нас своим началом, начиная с единицы. Несколько чисел первого десятка уложилось в кругу нашего сознания и соединило нас с бесконечностью. Но ум наш не мог вынести этого, мы уравновесили бесконечный числовой ряд другим бесконечным числовым рядом, созданным по принципу первого, но расположенным от начала первого в обратную сторону. Точку соединения этих

двух рядов, одного естественного и непостижимого, а другого явно выдуманного, но объясняющего первый, – точку их соединения мы назвали *нуль*. И вот числовой ряд нигде не начинается и нигде не кончается. Он стал ничем. Казалось бы, все это так, но тут все нарушает *нуль*. Он стоит где-то в середине бесконечного ряда и качественно различается от него. То, что мы называли ничем, имеет в себе еще что-то, что по сравнению с этим ничем есть новое ничто. Два ничто? Два ничто и друг другу противоречивые? Тогда одно ничто есть что-то. Тогда что-то, что нигде не начинается и нигде не кончается, есть что-то, содержащее в себе ничто" [40. С. 119-120].

Эти два взаимосвязанных и взаимоопределяющих ничто (опять же как *это и то*) графически представлены в изображении круга, скрывающем (объединившем) в себе начало и конец: *нуль* – центр круга или бесконечно исчезающая точка, *первое ничто* или конечная бесконечность (*начало*), и *ноль* – постоянное и при бесконечном продолжении перемещение границы круга, *второе ничто* или бесконечная конечность (*конец*).

(5) Процесс перехода от одного измерения (вторичного или конечного) к другому (первичному или изначальному) прекрасно продемонстрирован Хармсом на примере предварительного распада традиционной единицы времени часа в тексте "Третья цисфинитная логика бесконечного небытия" (1930):

"Вот и Вут час.

Вот час всегда только был, а теперь только полчаса.

Нет полчаса всегда только было, а теперь только четверть часа.

Нет четверть часа всегда только было, а теперь только

восьмушка часа.

Нет все части всегда только были, а теперь их нет.

Вот час.

Вут час.

Вот час всегда только был.

Вут час всегда теперь быть.

Вот и Вут час" [30. С. 275].

Вот час – **ноль** – существует как подвижность или перемещение наружной границы (поэтому он "всегда только был"), это (как *это*) внешнее время или *скольжение по поверхности времени*, то есть собственно *движение*; Вут час – **ноль** – существует как начало мгновения, конец которого утерян или его нельзя указать точно, это (как *то*) *длящееся сейчас, имеющее внутреннюю протяженность*, то есть собственно время – "всегда теперь быть".

В некотором промежутке между сосуществующими *этим* и *тем* (и только благодаря реальности их со-присутствия) – *всегда-бытие* цисфинитума в его /еще/ становлении и /уже/ готовности к узнаванию бесконечности небытия и осмыслению (через восприятие бес-конечного) собственной /языковой/ деятельности (как собственно языковой); то есть Я в цисфинитуме пребывает в нулевом пространственно-временном единстве между *этим* и *тем*.

В итоге, Cisfinitum, или творческая дисциплина, реализующая себя *по эту сторону законченного*, основывается прежде всего на вы-сказывании о имеющем место пограничном существовании Я и его включенности в процесс именованного – регистрации – мира. Текучесть предметных границ /первой/ реальности, открывающаяся в процессе регистрации (в *конкретной* системе) как **квинтэссенция мысли предметного мира**, обнаруживает (2-ое основание) некую целостность ситуации, при которой подвижность (*текучесть*) и протяженность (*парение*) не противоречат друг другу, но и не замещают одно другое. Такое движение

как бы неподвижное и такая неподвижность как бы *длящаяся*, объединившись в "мыре" как **это-и-то** (3-е основание) и образуют те пространственно-временные коллизии внутри круга /с нулевым центром и нулевой окружностью/, виртуальная реальность которых (4-ое основание) с утратой общеотрицательных суждений (5-ое основание) являет собой бес-конечное всегда-бытие цисфинитума.

Таковы основания цисфинитной логики Хармса.

Заканчивая на этом разбор рукописи, нам остается лишь резюмировать, что идея прогресса (поступательного или эволюционного развития) находится не только вне всякой близости по отношению к цисфинитной системе Хармса, но и так или иначе опровергается им в любом из проанализированных нами текстов, что, в свою очередь, в полной мере исключает возможность аналогичного движения в обратную сторону – по пути регресса, так как отказ Хармса от порядкового (количественного) значения чисел (положительного и отрицательного ряда) есть, по существу, отказ от какой бы то ни было прогрессивной или регрессивной направленности.

§ VI

Место "Я" в пространственно-временном существовании реальности: приношение себя-в-слове и слова-в-себе.

/Трактат "О времени, о пространстве, о существовании"/

Еще один трактат¹⁶ Хармса, написанный им, по всей вероятности, в начале – первой половине 30-х годов, связывает (связует) воедино Это и То теперь уже как категории времени и пространства, взаимодействие (*пересечение*) которых делает возможным существование Вселенной:

"(...)

7. Назовем первую часть *это*, вторую часть *то*, а переход от одной к другой назовем *не то и не это*.

8. Назовем *не то и не это* "препятствием".

9. Итак: основу существования составляют три элемента: *это*, *препятствие* и *то*.

(...)

57. Таким образом: три основных элемента существования Вселенной, воспринимаются нами, как время, пространство и материя.

58. Время, пространство и материя, пересекаясь друг с другом в определенных точках и являясь основными элементами существования Вселенной, образуют некоторый узел.

59. Назовем этот узел – Узлом Вселенной.

60. Говоря о себе: "я есмь", я помещаю себя в Узел Вселенной" [40. С. 102-105].

Попытаемся осмыслить то, что Хармс именуется **препятствием**:

1. Относительно времени – оно *сейчас* ("настоящее"), относительно пространства – оно *здесь* ("тут").

2. Сейчас (или теперь) имеет начало, но не обнаруживает собственной внешней (конечной или окончательной) границы, пока нашим Я не будет произнесено другое сейчас и так далее, поэтому сейчас длится *всегда* – конец одного мгновения является началом другого; это то, что Друскин называет "небольшой погрешностью", а Хармс на латыни – "Peccatum Parvum" [15. С. 367].

3. То же самое и в отношении пространства. *Здесь* имеет место благодаря нашему сейчас, а так как сейчас длится всегда, то и *здесь* преодолевает себя *везде*.

4. Следовательно, всегда-и-везде осуществляется здесь-и-сейчас как *всегда-здесь* или *везде-сейчас*.

5. Произнося "и" между *этим* и *тем*, мы в какой-то момент преодолеваем некоторый пространственно-временной промежуток, отсутствующий до нашего *языкового* вмешательства.

6. Соединив в некотором промежутке пространство и время, мы тем самым, с одной стороны, обнаружили реальность собственного существования, а с другой – нарушили равновесие между двумя пребывавшими до этого момента в небытии ничто: "13. Препятствие является тем творцом, который из "ничего" создает "нечто"" [40. С. 102].

7. Следующая цитата из дневника Друскина подводит нас еще ближе к явленности препятствия как такового: "Слово нарушило равновесие... Первоначальное Слово нарушило равновесие ничто, создав мир – погрешность ничто перед Богом" [15. С. 146]. Трудно не расслышать в этой фразе зачин Евангелия от Иоанна: "В начале было Слово." (Иоанн. I. I)

8. То есть Я в препятствии из-начально обретает мир в качестве *языка* и, овладевая миром, помещает себя в Узел Вселенной (*мыр*), сохраняя неразрывную связь между Этим и Тем (*Cisfinitum*) и обеспечивая реальностью ее пре-

пятствующего присутствия подлинность собственного существования.

9. "Реальность препятствующего присутствия взаимосвязи между *этим* и *тем*" и обозначена в терминологии Друскина как "некоторое равновесие с небольшой погрешностью".

Сказанного, на наш взгляд, достаточно, чтобы поместить охарактеризованное таким образом *препятствие* в ту точку (*где-и-когда*), возникновение которой позволяет Я *про-из-нести* "я есмь".

В итоге, место Я в пространственно-временном существовании реальности занимает – заполняет собой – **языковая деятельность**; это не означает, что язык замещает или вытесняет Я, поскольку языковая деятельность подразумевает присутствие в ней говорящего. С другой стороны, говорение, или об-реченность, субъекта еще не есть обязательно языковая *деятельность*, так как речь говорящего на языке лишь опирается на язык, точнее, на грамматические формы языка (нормированные причинно-следственные отношения) – речь говорящего в таком случае лишь скользит по поверхности грамматики или семантики. Собственно языковая деятельность как таковая выступает в своем качестве, превращаясь тем самым в Узел Вселенной, только тогда, когда в процессе регистрации мира Я уже само находит себя как Творца¹⁷ в ряду первой реальности вовлеченным во внутриязыковое пространственно-временное единство – место встречи слова с предметом.

Реальное искусство Хармса и есть искусство *про-из-несения*: *про-* – о вещи или вообще о том, что нуждается в слове для своего бытия; *-из-* – исходя из самой вещи или наличия чего-либо в собственном качестве; *-несение* – приношение себя-в-слове и слова-в-себе, приношение, глобальный смысл которого заключен в изначальной неразделенности жизни-искусства.

Заключение

Итак, в результате нашего исследования реальности пограничного существования "Я" в "мыре" Даниила Хармса мы выяснили, что единство конечной бесконечности Я и бесконечной конечности мира как реальности актуализируется на границе посредством языковой деятельности.

В § 1 мера реальности отождествляется с осмыслением Я принимаемого им участия в со-творении языка-действия. В § 2 сам процесс регистрации миропорядка освобождает язык от вторичных (нормированных) связей, что приводит к возникновению (восстановлению, или возвращению) первой реальности. В § 3 текучесть предметных границ первой реальности сопровождается конкретной системой, в которой искусство как квинтэссенция мысли предметного мира сохраняет внутри языкового ряда "связь значений сущих и по счету пятых". В § 4 "мыр", или со-бытие, объединяет "это" (мир-во-мне) и "то" (я-в-мире), подтверждая тем самым реальность искусства. В § 5 бесконечное всегда-бытие цисфинитума обнаруживает виртуальность проявленности смысла *по эту сторону законченного*. В § 6 языковая деятельность Я заполняет собой пространственно-временную структуру реальности.

Следующие положения проясняют новизну нашей работы, согласно которой (1) разделение понятий реальное искусство и реализм становится возможным в результате определения местонахождения Я по отношению к языку, в реальном искусстве (движение от слова к предмету) Я принимает участие в со-творении языка-действия, в реализме (движение от предмета к слову) Я – за пределами языковой деятельности; (2) реальность искусства подтверждается осмыслением Я пограничности собственного существования, в результате чего "мыр", или со-бытие, объединя-

ет конечную бесконечность Я и бесконечную конечность мира – снятие границы между "этим" и "тем" осуществляется путем ее переноса в языковую реальность; (3) место Я в пространственно-временной структуре реальности заполняет собой языковая деятельность, образующая Узел Вселенной – "я есмь": приношение себя-в-слове и слова-в-себе.

Таким образом, метафизика Хармса, осмысляющая сам процесс художественного творчества, и есть та область, освоение которой устраняет внешние преграды на пути к пониманию реального искусства как *искусства произнесения*.

Примечания

¹ Здесь и далее мы будем называть эти тексты трактатами, т.к. лат. tractatus – *обсуждение* или *рассмотрение*, на наш взгляд, соответствует содержательной направленности данных работ.

² Я. С. Друскин в "Материалах к поэтике Введенского" дает некоторые подходы к пониманию терминов *чинарь* и *чинарное искусство* [6, Т. 2. С. 164-174]. Ж.-Ф. Жаккар посвящает неформальному (эзотерическому) содружеству чинарей в своей монографии отдельную главу [15. С. 113-184].

³ Реальность вещи как таковой не может быть ограничена и регламентирована (нормирована) какими-либо рациональными, логическими конструкциями субъекта.

⁴ Термин *монада* (греч. μοναδ – единица) отсылает нас к именам Пифагора (у пифагорейцев монада – математическая единица – основа мира), Бруно (монада – единое начало бытия, являющегося одухотворенной материей; в этом начале совпадают противоположности конечного и бесконечного, четного и нечетного и т.д.), Лейбница (монада как индивидуальность содержит в себе как бы в зародыше бесконечное), Гете и многих других. Для нас же в монаде важна способность к самостоятельному существованию и *действию*.

⁵ В этой связи нельзя не вспомнить следующую запись Хармса: "Стихи надо писать так, что если бросить стихотворение в окно, то стекло разобьется" [15. С. 38].

⁶ Здесь мы вплотную подошли к очень важной теме (или проблеме), не затронуть которую, в нашем понимании, значило бы не обнаружить некоторые ключи для более глубокого прочтения многих текстов Хармса.

Дело в том, что внимательное изучение поэтом трактатов по оккультизму доктора Каббалы Папюса дает возможность проследить взаимосвязь, существующую между алфавитом и числами и обнаруживающуюся у Хармса в идентичности его подхода к обеим знаковым системам [15. С. 326-327]. Более того, переписанные Хармсом из Папюса тексты "Изумрудная скрижаль Гермеса", "Способ приготовления философского камня" и "Пункты китайской книги Чен-Пей" позволяют еще шире развернуть затронутую нами тему и связать интерес поэта к магии с проблемами художественного творчества в целом [15. С. 326-327]. Тексты Папюса [29], способные, на наш взгляд, прокомментировать некоторые мысли Хармса (особенно в трактатах "Одиннадцать утверждений Д. И. Хармса", "Ноль и ноль", "О круге", "О времени, о пространстве, о существовании"), так или иначе касающиеся идей, освещаемых Каббалой.

⁷ Шкаф (или шкаф) мы можем встретить и в стихах Введенского ("Мне жалко, что я не зверь...", которое автор называл философским трактатом, а так же "Гость на коне"). М. Мейлах отмечает, что шкаф (как ключевое слово обэриутских лозунгов) материализовался "в знаменитом "центральной шкапе", на котором во время обэриутского вечера в Доме печати сидел Хармс и из которого выходил на сцену Введенский (шкаф этот оставался от постановки Игорем Терентьевым на сцене Дома печати гоголевского "Ревизора"); наконец, в записи Хармса 1930 г. упоминается статья "Шкап и ноль" или "Ноль и шкаф", – возможно, первоначальное название его трактата "Ноль и Ноль" (записная книжка № 18)" [6, Т. 2. С. 25-26].

⁸ В одной из записных книжек Хармс писал: "Учителями своими считаю Введенского, Хлебникова и Маршака" [6, Т. 2. С. 151].

⁹ Стихотворение "Звонитьлететь" имеет подзаголовок "Третья цисфинитная логика". Другой текст Хармса, озаглавленный им как "Третья цисфинитная логика бесконечного небытия", подробно анализируется нами ниже (§ 5). Оба стихотворения датируются предположительно весной 1930 года, то есть приблизительно тем временем, когда были написаны "Одиннадцать утверждений" (18 марта) и "Мыр" (30 мая). Небезынтересно, на наш взгляд, и то, что в Кабале число три означает *Безграничный Разум* [29. С. 40].

См. также примечание 6.

¹⁰ См. примечание 8.

¹¹ "Признаки вечности", а также некоторые другие сочинения ("Вблизи вестников", "Это и то", "Классификация точек", "Движение", "О желании", "О голом человеке", "Происхождение животных") были написаны Друскиным в период его наиболее интенсивных контактов с чинарями и, в частности, с Хармсом [15. С. 123].

¹² Математические рассуждения Хармса кроме того, что они интересны уже сами по себе (как таковые), на наш взгляд, могут быть связаны с Каббалой, и полностью отбрасывать их в сторону, как это делает Ж.-Ф. Жаккар, по меньшей мере, преждевременно [15. С. 94].

¹³ Лат. *coincidentia oppositorum* – *совпадение противоречий*; термин, употребляемый Николаем Кузанским для обозначения устранения противоречий в бесконечном.

¹⁴ Оба текста были написаны Хармсом в июне 1931 года в следующей последовательности: первые четыре пункта "Ноль и ноль" – 9 июня, остальные четыре – 10-го, то есть в тот же день, что и семь первых пунктов трактата "О круге", законченного (восьмой пункт) 17 июня [40. С. 116-117].

См. также примечание 6.

¹⁵ Радиусом называют и любой отрезок, соединяющий точку окружности с центром, и общую длину каждого

из таких отрезков. При первом понимании слова "радиус" у окружности бесконечное число различных радиусов, а при втором – только один радиус.

¹⁶ Текст "О времени, о пространстве, о существовании", состоящий из шестидесяти пунктов и обобщающий (систематизирующий) собственно философские размышления Хармса, не датирован автором, но мы, основываясь на содержании трактата, а также на некоторых данных, приводимых Ж.-Ф. Жаккар, с большой долей уверенности можем отнести его появление к первой половине 30-х годов [15. С. 363].

См. также примечание 6.

¹⁷ О себе как о *творце* Хармс пишет в уже цитированном нами (§ II) письме к К. В. Пугачевой: "Я творец мира, и это самое главное во мне. Как же я могу не думать постоянно об этом! Во все, что я делаю, я вкладываю сознание, что я творец мира" [41. С. 482-483].

Библиографический список

1. Александров А. Неоконченные драматические произведения Даниила Хармса // Театр. 1991. № 11. С. 10-12.
2. Александров А. Чудодей. Личность и творчество Даниила Хармса // Хармс Д. Полет в небеса. Л., 1988. С. 7-48.
3. Антология французского сюрреализма. 20-е годы. – М.: "ГИТИС", 1994.
4. Батай Ж. Литература и зло. – М.: Изд-во МГУ, 1994.
5. Бергсон А. Собрание сочинений: В 4 Т.: [Пер. с фр.]. Т. 1.: Опыт о непосредственных данных сознания; Материя и память. – М.: Моск. Клуб, 1992. (Б-ка "Моск. клуба").
6. Введенский А. И. Полное собрание произведений: В 2 Т. М.: Гилея, 1993.
7. Вишневецкий И. О. О "Комедии города Петербурга" // Театр. 1991. № 11. С. 58-62.
8. Гамсун К. Избранные произведения. Пер. с норв. / Послесл. А. Сергеева; Худож. А. Неровный. – М.: Панорама, 1992. (Серия "Лауреаты Нобелевской премии").
9. Герасимова А., Никитаев А. Хармс и "Голем" // Театр. 1991. № 11. С. 36-50.
10. Гирба Ю. Элементы драматического в раннем творчестве Д. Хармса // Театр. 1991. № 11. С. 51-52.
11. Глагол. 1991. № 4.
12. Дневниковые записи Даниила Хармса. Публикация, вступительная статья, комментарии А. Устинова и А. Кобринского. Минувшее. Paris. 1991. № 11. С. 417-583.
13. Друскин Я. Вестники и их разговоры; Это и то; Классификация точек; Движение // Логос. М., 1993. № 4. С. 91-101.
14. Друскин Я. Коммуникативность в творчестве Александра Введенского // Театр. 1991. № 11. С. 80-86.
15. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда / Пер. с фр. Ф. А. Перовской. – СПб.: Академический проект, 1995.
16. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс: театр абсурда – реальный театр // Театр. 1991. № 11. С. 18-26.

17. Кобринский А. "Вольный каменщик бессмыслицы" или Был ли граф Хвостов предтечей обэриутов // Литературное обозрение. 1994. № 9-10. С. 64-68.
18. Кобринский А. Логика алогизма // Нева. Л., 1988. № 6. С. 204.
19. Лейбин В. М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. – М.: Политиздат, 1990.
20. Липавский Л. Исследование ужаса // Логос. М., 1993. № 4. С. 76-88.
21. Липавский Л. Разговоры // Логос. М., 1993. № 4. С. 7-75.
22. Логос. М., 1993. № 4.
23. Локшина С. М. Краткий словарь иностранных слов / Сост. С. М. Локшина. – 6-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1979.
24. Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994.
25. Лосский Н. О. История русской философии. – М.: Высш. шк., 1991.
26. Мейлах М. Девять посмертных анекдотов Даниила Хармса // Театр. 1991. № 11. С. 76-79.
27. Мейлах М. Яков Друсин: "Вестники и их разговоры" // Логос. М., 1993. № 4. С. 89-90.
28. Мейринк Г. Голем: Роман / Пер. с нем. А. Солянова. Предисл. М. Рудницкого. – М.: Известия, 1991.
29. Папюс. Каббала, или Наука о Боге, Вселенной и Человеке: [Перевод]. – СПб.: Андреев и сыновья, 1992.
30. Поэты группы "ОБЭРИУ" / Вступ. ст. М. Б. Мейлаха. Сост., подг. текста, биогр. спр. и примеч. М. Б. Мейлаха, Т. Л. Никольской, А. Н. Олейникова, В. И. Эрля. – СПб.: Сов. писатель, 1994. (Б-ка поэта. Большая серия).
31. Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. П. С. Гуревич. – М.: Прогресс, 1988.
32. Руднев В. Феноменология события // Логос. М., 1993. № 4. С. 226-238.
33. Руднев В. Философия 'русского литературного языка' в "Бесконечном тупике" Д. Галковского. // Логос. М., 1993. № 4. С. 297-308.

34. Стригалева А. Во-первых – Хармс, во-вторых – Татлин // Театр. 1991. № 11. С. 68-75
35. Театр. 1991. № 11.
36. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. – М.: Республика, 1993.
37. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. Пер. с нем. / Составл., переводы, вступ. статья, примеч. А. В. Михайлова. М.: Издательство "Гнозис", 1993.
38. Халипов В. Постмодернизм в системе мировой культуры // Иностранная литература. 1994. № 1. С. 235-240.
39. Хармс Д. Неопубликованные рассказы и сценки // Юность. 1987. № 10. С. 93-95.
40. Хармс Д. О времени, о пространстве, о существовании; Измерение вещей; Одиннадцать утверждений Д. И. Хармса; "Бесконечное, вот ответ..."; Трактат более или менее по конспекту Эмерсона и др. // Логос. М., 1993. № 4. С. 102-124.
41. Хармс Д. Полет в небеса: Стихи. Проза. Драма. Письма. – Л.: Сов. писатель, 1991.
42. Хлебников В. Неизданные произведения. – М.: Художественная литература, 1940.
43. Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения в 2 т.: Пер. с нем. Т.1 / Сост., ред., авт. вступ. ст. А. В. Гулыга. – М.: Мысль, 1987.
44. Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения в 2 т.: Пер. с нем. Т.2 / Сост., ред. А. В. Гулыга; прим. М. И. Левиной и А. В. Михайлова. – М.: Мысль, 1989.
45. Якимович А. О лучах Просвещения и других световых явлениях // Иностранная литература. 1994. № 1. С. 241-249.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Трактаты Даниила Хармса

I

ИЗМЕРЕНИЕ ВЕЩЕЙ

Л я п о л я н о в .

За вами есть один грешок
вы под пол прячьте вершок
его лелеите как цветок
в случае опасности дуете в свисток.

Д р у з ь я .

Нам вершок дороже глаза
наша мера он отсчёта
он в пространстве наша база,
мы бойцы прямых фигур.
К мерам житкости сыпучей
прилагаем эталон
сыпим слёз на землю кучи,
измеряем лоб соседа,
(он же служит нам тетёркой)
рассматривал форму следа
меру трогаем всей пятёркой.

Любопытствуя больного
тела жар – температуру,
мы вершок ему приносим
из бульёна варим куру.

Л я п о л я н о в .

Но физики считают вершок
устаревшей мерой.
Значительно удобней измерять предметы саблей.
Хорошо так-же измерять шагами.

П р о ф е с с о р Г у р и н д у р и н .

Вы не правы Ляполянов.
Я сам представитель науки

и знаю лучше тебя положение дел.
Шагами измеряют пашни,
а саблей тело человеческое,
но вещи измеряют вилкой.

Д р у з ь я .

Мы дети в науке
но любим вершок.

Л я п о л я н о в .

Смерть отсталым измерениям!
Смерть науки сторожилам!
Ветер круглым островам!
Дюжий метр пополам!

П л о т н и к .

Ну нет,
простите.
Я знаю косую сажень
и на все ваши выдумки мне плевать!
Плевать, говорю, на вашу тётю науку.
Потому как сажень
есть косая инструмент,
и способна приложаться
где угодно хорошо;
при постройке, скажем, дома
сажень веса кирпичей
штукатурка, да салома,
да тяжёлый молоток.

П р о ф е с с о р Г у р и н д у р и н .

Вот мы
глядя в потолок
рассуждаем над масштабом
разных планов естества
переходящего из энергии
в основную материю,

под которой разумею
даже газ.
Д р у з ь я .
Наша мера нами скрыта.
Нам вершок дороже глаз.
Л я п о л я н о в .
В самых маленьких частичках
в элементах,
в ангелочках,
в центре тел,
в летящих ядрах,
в натяженьи,
в оболочках,
в ямах душевной скуки,
в пузырях логической науки
измеряются предметы
клином, клювом и клыком.
П р о ф е с с о р Г у р и н д у р и н .
Вы не правы Ляполянов.
Где-же вы слыхали бредни
чтобы стул измерить клином,
чтобы стол измерять клювом,
чтобы ключ измерить лирой,
чтобы дом запугать клятвой.
Мы несём в науке метр,
Вы несёте только саблю.
Л я п о л я н о в .
Я теперь считаю так:
меры нет.
Вместо меры наши мысли
заключённые в предмет.
Все предметы оживают
бытиё собой украшают.

Д р у з ь я .
О,
мы поняли!
но все же
оставляем Вершок.
Л я п о л я н о в .
Вы костецы.
П р о ф е с с о р Г у р и н д у р и н .
Неучи и глупцы
П л о т н и к .
Я порываю с вами дружбу.
В с ё .

17 – 21 октября 1929 года
Д. Хармс

II

САБЛЯ

§1

Жизнь делится на рабочее и нерабочее время. Нерабочее время создает схемы – трубы. Рабочее время наполняет эти трубы.

Работа в виде ветра
влетает в полую трубу.
Труба поёт ленивым голосом.
Мы слушаем вой труб.
И наше тело вдруг легчает
в красивый ветер переходят;
мы вдруг становимся двойными:
направо ручка –
налево ручка,
направо ножка –
налево ножка,
бока и уши и глаза и плечи
нас граничат с остальными.
Точно рифмы наши грани
остриём блестят стальным.

§2

Нерабочее время – пустая труба. В нерабочее время мы лежим на диване, много курим и пьём, ходим в гости, много говорим, оправдываясь друг перед другом. Мы оправдываем наши поступки, отделяем себя от всего остального и говорим, что вправе существовать самостоятельно. Тут нам начинает казаться, что мы обладаем всем, что есть вне нас. И всё существующее вне нас и разграниченное с нами и всем остальным, отличным от нас и его (того, о чём мы в данный момент говорим) пространством (ну хотя бы

наполненным воздухом) мы называем предметом. Предмет нами выделяется в самостоятельный мир и начинает обладать всем лежащим вне его, как и мы обладаем тем же.

Самостоятельно существующие предметы уже не связаны законами логических рядов и скачат в пространстве, куда хотят, как и мы. Следуя за предметами, скачат и слова существительного вида. Существительные слова рожают глаголы и даруют глаголам свободный выбор. Предметы, следуя за существительными словами, совершают различные действия, вольные, как новый глагол. Возникают новые качества, а за ними и свободные прилагательные. Так вырастает новое поколение частей речи. Речь, свободная от логических русел, бежит по новым путям, разграниченная от других речей. Грани речи блестят немного ярче, чтобы видно было, где конец и где начало, а то мы совсем бы потерялись. Эти грани, как ветерки, летят в пустую строку-трубу. Труба начинает звучать, и мы слышим рифму.

§3

Ура! стихи обогнали нас!
Мы не вольны как стихи.
Слышен в трубах ветра глас,
мы же слабы и тихи.
Где граница наших тел,
наши светлые бока?
Мы неясны точно тюль,
мы беспомощны пока.
Слова несутся и речи,
предметы скачат следом,
и мы дерёмся в сече –
Ура! кр<и>чим победам.

Таким образом, мы завлекаемся в рабочее состояние. Тут уж некогда становится думать о еде и гостях. Разговоры перестают оправдывать наши поступки. В драке не оправ-

дываются и не извиняются. Теперь каждый отвечает за самого себя. Он один своей собственной волей приводит себя в движение и проходит сквозь других. Всё существующее вне нас перестало быть в нас самих. Мы уже не подобны окружающему нас миру. Мир летит к нам в рот в виде отдельных кусочков: камня, смолы, стекла, железа, дерева и т.д. Подхода к столу, мы говорим: Это стол, а не я, а потому вот тебе! – и трах по столу кулаком, а стол пополам, а мы по половинам, а половинки в порошок, а мы по порошку, а порошок к нам в рот, а мы говорим: это пыль, а не я, – и трах по пыли. А пыль уже наших ударов не боится.

§4

Тут мы стоим и говорим: Вот я вытянул одну руку вперёд прямо перед собой, а другую руку назад. И вот я впереди кончаюсь там, где кончается моя рука, а сзади кончаюсь тоже там, где кончается моя другая рука. Сверху я кончаюсь затылком, снизу пятками, сбоку плечами. Вот я и весь. А что вне меня, то уж не я.

Теперь, когда мы стали совсем обособленными, почистим наши грани, чтобы лучше видать было, где начинаемся уже не мы. Почистим нижний пункт – сапоги, верхний пункт – затылок – обозначим шапочкой; на руки наденим блестящие манжеты, а на плечи эполеты. Вот теперь уже сразу видать, где кончились мы и началось всё остальное.

§5

Вот три пары наших граней:

1. рука – рука.
2. плечо – плечо.
3. затылок – пятки.

§6

Вопрос: Началась-ли наша работа? А если началась, то в чём она состоит?

Ответ: Работа наша сейчас качнется, а состоит она в регистрации мира, потому что мы теперь уже не мир.

В.: Если мы теперь не мир, то что же мы?

О.: Нет, мы мир. Т.е. я не совсем правильно выразился. Не то чтобы мы же не мир, но мы сами по себе, а он сам по себе.

Сейчас поясню: Существуют числа: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и т.д. Все эти числа составляют числовой, счётный ряд. Всякое число найдёт себе в нём место. Но 1 – это особенное число. Она может стоять в стороне, как показатель отсутствия счёта. 2 уже первое множество, и за 2 все остальные числа. Некоторые дикари умеют считать только так: раз и много. Так вот и мы в мире вроде единицы в счётном ряду.

В.: Хорошо, а как же мы будем регистрировать мир?

О.: Так же, как единица регистрирует остальные числа, т.е. укладываясь в них и наблюдая, что из этого получается.

В.: Разве так единица регистрирует другие числа?

О.: Допустим, что так. Это неважно.

В.: Странно. А как же мы будем укладываться в другие предметы, расположенные в мире? Смотреть, насколько шкаф длиннее, шире и выше, чем мы? Так что ли?

О.: Единица изображается нами значком в виде палочки. Значёк единицы есть только наиболее удобная форма для изображения единицы, как и всякий значёк числа. Так и мы есть только наиболее удобная форма нас самих.

Единица, регистрируя два, не укладывается своим значком в значёк два. Единица регистрирует числа своим качеством. Так должны поступать и мы.

В.: Но что такое наше качество?

О.: Гибель уха –

глухота,
гибель носа –

носота,
гибель нѣба
немота, гибель слѣпа –
слепота.

Абстрактное качество единицы мы тоже не знаем. Но понятие единицы существует в нас, как понятие чего-либо. Скажем, аршина. Единица регистрирует два – есть: один аршин укладывается в двух аршинах, одна спичка укладывается в двух спичках и т. п. Таких единиц существует уже много. Так же и человек не один, а много, и качеств у нас столько же, сколько существует людей. И у каждого из нас своё особое качество.

В.: Какое качество у меня?

О.: Вот. Работа начинается с отыскания своего качества. Так как этим качеством нам придется потом орудовать, то назовѣм его оружие.

В.: Но как найти мне своё оружие?

§7

Если нет больше способов
побеждать нашествие смыслов,
надо выходить из войны гордо
и делать своё мирное дело.
Мирное дело постройка дома
из брёвен при помощи топора.
Я вышел в мир глухой от грома.
Домов раскинулась гора.
Но сабля войны остаток
моя единственная плоть
со свистом рубит с крышь касаток
бревна не в силах расколоть,
Менять ли дело иль оружие?
рубить врага иль строить дом?
Иль в девы сдёрнуть с дуба кружево

и саблю в грудь вонзить потом.
Я плотник саблей вооружѣнный,
встречаю дом как врага.
Дом саблей в центр поражѣнный
стоит к ногам склонив рога.
Вот моя сабля, мера моя
вера и пера, мегера моя!

Добавление

§8

Козьма Прутков регистрировал мир Пробирной Палаткой, и потому он был вооружѣн саблей¹.

Сабли были у: Гѣте, Блейка, Ломоносова, Гоголя, Пруткова и Хлебникова. Получив саблю, можно приступать к делу и регистрировать мир.

§9 Регистрация мира (Сабля – мера)²

в с ѣ .

19 – 20 ноября
1929 года
Даниил Хармс

¹ Сон Козьмы Пруткова: Голый генерал. Хорошо, что генерал был в эполетах, но жаль, что он не передал Пруткову сабли.

² "Время – мера – мира". В. Хлебников.

III

ОДИННАДЦАТЬ УТВЕРЖДЕНИЙ ДАНИИЛА
ИВАНОВИЧА ХАРМСА³

I у т в е р ж д е н и е

Предметы пропали.

II у т в е р ж д е н и е

Было: числовой ряд начинается с 2. Единица не число. Единица первое и единственное совершенство Первое множество, первое число и первое отклонение от совершенства – это 2. (Пифагорова Единица).

III у т в е р ж д е н и е

Вообразим, что единица первое число.

IV у т в е р ж д е н и е

Новая единица подчиняется закону общих Чисел.
Закон чисел – Закон масс. (Хармсова Единица).

V у т в е р ж д е н и е

Закон единицы ложен – такого Закона нет. Есть только Закон масс.

VI у т в е р ж д е н и е

Предмет обезоружен. Он стручок. Вооружена только куча.

VII у т в е р ж д е н и е

Закон больших и малых чисел один. Разница только количественная.

VIII у т в е р ж д е н и е

И человек и слово и число подчинены одному закону.

IX у т в е р ж д е н и е

Новая человеческая мысль двинулась и потекла. Она стала текучей. Старая человеческая мысль говорит про но-

³ Смотри: "Предметы и фигуры открытые Даниилом Ивановичем Хармсом". 1927 год.

вую, что она "тронулась". Вот почему для кого-то большевики сумасшедшие.

X у т в е р ж д е н и е

Один человек думает логически; много людей думают ТЕКУЧЕ.

XI у т в е р ж д е н и е

Я хоть и один, но думаю ТЕКУЧЕ.

В с ё

18 марта 1930 года

Я пишу высокие стихи.

IV

ПРЕДМЕТЫ И ФИГУРЫ, ОТКРЫТЫЕ ДАНИИЛОМ ИВАНОВИЧЕМ ХАРМСОМ

8 августа 1927 года.

Петербург.

1. Значение всякого предмета многообразно. Уничтожая все значения, кроме одного, мы тем самым делаем предмет невозможным.

Уничтожая и это последнее значение, мы уничтожаем и само существование предмета.

2. Всякий предмет (неодушевлённый и созданный человеком) обладает четырьмя рабочими значениями и пятым сущим значением. Первые четыре суть: 1) начертательное (геометрическое), 2) целевое значение (утилитарное), 3) значение эмоционального воздействия на человека, 4) значение эстетического воздействия на человека. Пятое значение определяется самим фактом существования предмета. Оно вне связи предмета с человеком и служит самому предмету. Пятое значение – есть свободная воля предмета.

3. Человек, вступая в общение с предметом, исследует его четыре рабочих значения. При помощи их предмет укладывается в сознании человека, где и живёт. Если бы человек натолкнулся на совокупность предметов только с тремя из четырёх рабочих значений, то перестал бы быть человеком. Человек же, наблюдающий совокупность предметов, лишённых всех четырёх рабочих значений, перестаёт быть наблюдателем, превратясь в предмет, созданный им самим. Себе он приписывает пятое значение своего существования.

4. Пятым, сущим значением, предмет обладает только вне человека, т.е. теряя отца, дом и почву. Такой предмет "РЕЕТ".

5. Решающими бывают не только предметы, но так же: жесты и действия.

6. Пятое значение шкафа – есть шкаф.

Пятое значение бега – есть бег.

7. Бесконечное множество прилагательных и более сложных словесных определений шкафа объединяются словом "шкаф".

8. Разбив шкаф на четыре дисциплины, соответствующие четырём рабочим значениям шкафа, мы получили бы четыре предмета, представляющих в совокупности шкаф. Но шкафа как такового не было бы и такому синтетическому шкафу нельзя бы было приписать пятое значение единого шкафа. Он смещённый воедино лишь в нашем сознании, обладал бы четырьмя сущими значениями и четырьмя рабочими. В самый же момент смещения в не жили-бы четыре предмета, обладающие по одному сущему и по одному рабочему значению.

Натолкнись на них наблюдатель – он был бы не человеком.

9. Предмет в сознании человека имеет четыре рабочих значения и значение как слово (шкаф). Слово шкаф и шкаф – конкретный предмет существуют в системе конкретного мира наравне с другими предметами, камнями и светилами. Слово – шкаф существует в системе понятий наравне со словами: человек бесплодность, густота, переправа и т.д.

10. Пятое сущее значение предмета в конкретной системе и в системе понятий различно. В первом случае оно свободная воля предмета, а во втором – свободная воля слова (или мысли, не выраженной словом, но мы будем говорить лишь о выраженных в слово понятиях).

11. Любой ряд предметов, нарушающий связь их рабочих значений, сохраняет связь значений суших и по счёту пятых. Такого рода ряд есть ряд нечеловеческий и есть мысль предметного мира. Рассматривая такой ряд, как целую величину и как вновь образовавшийся синтетический предмет, мы можем приписать ему новые значения, счётом три: 1) начертательное, 2) эстетическое и 3) сущее.

12. Переводя этот ряд в другую систему, мы получим словесный ряд, человечески БЕССМЫСЛЕННЫЙ.

V

МЫР

30 мая 1930 года

Я говорил себе, что я вижу мир. Но весь мир был недоступен моему взгляду и я видел только части мира. И всё, что я видел, я называл частями мира. И я наблюдал свойства этих частей и наблюдая свойства частей я делал науку. Я понимал, что есть умные свойства частей и есть не умные свойства в тех же частях. Я делил их и давал им имена. И в зависимости от их свойств, части мира были умные и не умные.

И были такие части мира, которые могли думать. И эти части смотрели на другие части и на меня. И все части были похожи друг на друга и я был похож на них. И я говорил с этими частями мира.

Я говорил: части гром.

Части говорили: пук времени.

Я говорил: Я тоже часть трёх поворотов.

Части отвечали: Мы же маленькие точки.

И вдруг я перестал видеть их, а потом и другие части. И я испугался, что рухнет мир.

Но тут я понял, что я не вижу частей по отдельности, а вижу все зараз. Сначала я думал что это НИЧТО. Но потом понял, что это мир, а то, что я видел раньше, был не мир.

И я всегда знал, что такое мир, но что я видел раньше, я не знаю и сейчас.

И когда части пропали, то их умные свойства перестали быть умными, и их неумные свойства перестали быть не умными. И весь мир перестал быть и умным и неумным.

Но только я понял, что я вижу мир, как я перестал его видеть. Я испугался, думая, что мир рухнул. Но пока я так

думал, я понял, что если бы рухнул мир, то я бы так уже не думал. И я смотрел, ища мир, но не находил его.

А потом и смотреть стало некуда.

Тогда я понял, что куда было куда смотреть – вокруг меня был мир. А теперь его нет. Есть только я. А потом я понял, что я и есть мир.

Но мир это не я.

Хотя, в то же время, я мир.

А мир не я.

А я мир.

А мир не я.

А я мир.

А мир не я.

А я мир.

И больше я ничего не думал.

VI

CISFINITUM ПИСЬМО К ЛЕОНИДУ САВЕЛЬЕВИЧУ ЛИПАВСКОМУ

Падение ствола
Леонид Савельевич,

I

1) будем считать всякую дисциплину творческой если она не опирается на постулаты категории E.

2) Всякую дисциплину, опирающуюся на постулаты категория E, будем считать нетворческой.

3) Логическая наука ("формальная логика", "Законы мысли") опирается на постулаты категории E, следовательно она нетворческая.

4) Искусство не может опираться на постулаты категории E, следовательно оно есть творческая дисциплина.

5) Говорю о творческой науке, не могущей опираться на постулаты категории E.

II

Некий ствол стоит на постулате E. Создадим постулат E, как первоначальный ствол. Тогда ствол E встанет на новый постулат P_1 , как первейший ствол. Тогда ствол P_1 опрётся на постулат P_2 . Создадим постулат P_2 , как наипервейший ствол и т.д.

Должен заметить, что тем и славен ствол формальной логики (Bool, Пирс и др.), что может не интересоваться происхождением постулата E.

Постулаты E, E^I , E^{II} ... могут быть в любой момент заменены P_1 , P_2 , P_3 ... и новые постулаты могут быть рассматриваемы, как постулаты категории E. И только при бесконечном сдвигании P в последующие $P_1P_2P_3$... ствол растёт или, вернее, падает в необрезанное поле постуляции, и по-

стуляция принимает вид $P_1P_2P_3...P_\omega$. Изобразим новый ствол S_ω . Обращаю внимание на то, что для того, чтобы создать поле $(P_1... P_\omega)$, надо поочередно исследовать каждое P . Условимся исследованное поле отмечать буквой α .

Тогда запишем, что новый ствол опирается на исследованную постуляцию α $(P_1... P_\omega)$ или

$$\frac{S_\omega}{\alpha (P_1... P_\omega)}$$

III

Определим исследование постулативного поля. Для этого определим постулат, как предел падения опирающегося на него ствола. И заметим, что если ствол есть некий континуум K , то постулат будет формулой $K - \mu = 1$ (при любом μ).

Принимаем $(K - \mu)$ за некий ствол и исследуя его находим постулат $P_1 \cdot P_1 = K - \mu - \mu_1 = 1$.

Следуя дальше получаем: $P_2 = K - \mu - \mu_1 - \mu_2 = 1$.

Открывая падение видим: $P_\omega = K - \mu - \mu_1 - \mu_2 \dots \mu_\omega - \mu_\omega = 1$.

И наконец исследование постулативного поля выразится:

$$\alpha (P_1... P_\omega) = (K - \mu) \infty (K - \mu\mu_1) \infty \dots \dots (K - \mu - \mu_1 - \dots \mu_\omega) \infty (K - \mu - \mu_1 \dots \mu_\omega - \mu)^4$$

IV

Посмотрим, что происходит со стволом. Раньше всего назовём этот процесс – падение ствола.

Последовательные моменты падения МЫ можем выразить так:

1. К постулируемый Е или

$$\frac{K}{E}$$

⁴ Знак ∞ читается съ ...

2.

$$\frac{K - \mu}{P_1}$$

3.

$$\frac{K - \mu - \mu_1}{P_2}$$

$$m_{\omega-1} \frac{K - \mu - \mu_1 \dots \mu_\omega}{P_\omega}$$

Следуя дальше получаем:

$$\frac{S_\omega}{\alpha (P_1... P_\omega)} = = \frac{K + (K - \mu) + (K - \mu - \mu_1) + \dots (K - \mu - \mu_1 - \dots \mu_\omega)}{(K - \mu)^\infty (K - \mu - \mu_1)^\infty \dots (K - \mu - \mu_1 - \dots \mu_\omega)^\infty (K - \mu - \mu_1 - \dots \mu_\omega - \mu_\omega)}$$

V

Меня очень интересует Ваше мнение по поводу непостулируемой науки.

Ведь постулируя S_ω бесконечно убывающим полем $(P_1...P_\omega)$, мы не можем называть это прежней единицей опоры. Новая единица опоры будет 0 (нуль).

$$\alpha (P_1...P_\omega) = 0.$$

Это первое и единственное утверждение, могущее быть новым постулатом не категории Е. Согласно первому условию I-го параграфа, ствол, опирающийся на $\alpha (P_1...P_\omega)$ будем считать творческим.

VI

Если допустить, что может существовать творческая наука S , то можно предвидеть, что она по 4-му условию I будет схожа с искусством.

Если творческой науке придётся иметь дело с понятиями количеств, то можно предвидеть, что система счисления должна быть иной, нежели наш солярный корпус. Скромно замечу, что новая система счисления будет нулевая и область её исследования будет Cisfinitum.

На этом, дорогой Леонид Савельевич, разрешите кончить письмо и пожелать Вам спокойной ночи. Я же, раздумывая над цисфинитной пустотой готов и постоять, пока люди, считая до ста, торопятся уснуть, а коварный Мукк со своими собаками собирается на охоту.

*16 октября 1930 года,
Петербург*

VII

НУЛЬ И НОЛЬ

Беру на себя смелость утверждать следующее:

1). Смотрите внимательнее на ноль, ибо ноль не то, за что вы его принимаете.

2). Понятие "больше" и "меньше" столь же не действительно, как понятие "выше" и "ниже". Это наше частное условие считать одно число больше другого и по этому признаку мы расположили числа, создав солярный ряд. Не числа выдуманы нами, а их порядок. Многим покажется, что существо числа всецело зависит от его положения в солярном ряду, – но я беру на себя смелость утверждать, что число может быть рассматриваемо самостоятельно, вне порядка ряда. И только это будет подлинной наукой о числе.

3. Предполагаю, что один из способов обнаружить в числе его истинные свойства, а не порядковое значение, это обратить внимание на его аномалии. Для этого удобно б. Но впрочем, пока я об этом распространяться не буду.

4. Предполагаю и даже беру на себя смелость утверждать, что учение о бесконечном будет учением о ноле. Я называю ноле, в отличие от нуля, именно то, что я под этим и подразумеваю.

9 июля 1931 года

5. Символом нуля – 0. А символом ноля – O. Иными словами, будем считать символом ноля круг.

6. Должен сказать, что даже наш вымышленный солярный ряд, если он хочет отвечать действительности, должен перестать быть прямой, но должен искривиться. Идеальным искривлением будет равномерное и постоян-

ное и при бесконечном продолжении солярный ряд превратится в круг.

7. Правда, это не будет основным учением о числе, но в нашем понятии о числовом ряде это будет существенной поправкой.

8. Постарайтесь увидеть в ноле весь числовой круг. Я уверен, что это со временем удастся. И потому пусть символом ноля остается круг О.

10 июля

VIII

О КРУГЕ

1. Не обижайтесь на следующее рассуждение. Да тут и нет ничего обидного, если не считать, что о круге можно говорить только в смысле геометрическом. Если я скажу, что круг образуют четыре одинаковых радиуса, а вы скажете – не четыре, а один, то мы вправе спросить друг друга: а почему? Но не о такого рода образовании круга хочу говорить я, а об совершенном образовании круга.

2. Круг есть наиболее совершенная плоская фигура. Я не буду говорить, почему это именно так. Но это само по себе возникает в нашем сознании при рассмотрении плоскостных фигур.

3. Так создано в природе, что чем менее заметны законы образования, тем совершеннее вещь.

4. И ещё создано в природе так, что чем более недоступна охвату вещь, тем она совершеннее.

5. О совершенстве скажу я такими словами так: Совершенное в вещи есть вещь совершенная. Совершенная вещь вызывает в нас изумление стройностью законов её образования и как она сделана. Совершенную вещь можно всегда изучать, иными словами, в совершенной вещи есть всегда что-либо не изученное. Если бы оказалась вещь, изученная до конца, то она перестала бы быть совершенной, ибо совершенно только то, что конца не имеет, т.е. бесконечно.

6. Точка бесконечно мала и потому она совершенна, но вместе с тем и непостижима. Самая маленькая постижимая точка уже не совершенна.

7. Прямая совершенна, ибо нет причин не быть ей бесконечно длинной в обе стороны, не иметь ни конца ни на-

чала, а потому быть непостижимой. Но делая над ней насилие и ограничивая её с обеих сторон, мы делаем её постижимой, но вместе с тем и несовершенной. Если ты решишь, то подумай.

10 июля

8. Прямая, сломанная в одной точке, образует угол. Но такая прямая, которая ломается одновременно во всех своих точках, называется кривой. Бесконечное количество изменени<й> прямой делает её совершенной. Кривая не должна быть обязательно бесконечно большой. Она может быть такой, что мы свободно охватим её взором, и в тоже время она останется непостижимой и бесконечной. Я говорю о замкнутой кривой, в которой скрыто начало и конец. И самая ровная, непостижимая, бесконечная и идеальная замкнутая кривая будет КРУГ.

17 июля

<О СУЩЕСТВОВАНИИ О ВРЕМЕНИ, О ПРОСТРАНСТВЕ>

1. Мир, которого нет, не может быть назван существующим, потому что его нет.

2. Мир, состоящий из чего-то единого, однородного и непрерывного, не может быть назван существующим, потому что в таком мире нет частей, а раз нет частей, то нет и целого.

3. Существующий мир должен быть неоднородным и иметь части.

4. Всякие две части различны, потому что всегда одна часть будет эта, а другая та.

5. Если существует только это, то не может существовать то, потому что, как мы сказали, существует только это. Но такое это существовать не может, потому что если это существует, то оно должно быть неоднородным и иметь части. А если оно имеет части, то значит состоят из этого и того.

6. Если существует это и то, то значит существует не то и не это, потому что, если бы не то и не это не существовало, то это и то было бы едино, однородно и непрерывно, а следовательно не существовало бы тоже.

7. Назовём первую часть это, вторую часть то, а переход от одной к другой назовём не то и не это.

8. Назовём не то и не это "препятствием".

9. Итак: основу существования составляют три элемента: это, препятствие и то.

10. Изобразим несуществование нулём или единицей. Тогда существование мы должны будем изобразить цифрой три.

11. Итак: Деля единую пустоту на две части, мы получаем троицу существования.

12. Или: Единая пустота, испытывая некоторое препятствие, раскалывается на части, образуя троицу существования.

13. Препятствие является тем творцом, который из "ничего" создает "нечто".

14. Если это само по себе "ничто" или несуществующее "нечто", то и "препятствие" само по себе "ничто" или несуществующее "нечто".

15. Таким образом, должно быть два "ничто" или несуществующих "нечто".

16. Если есть два "ничто" или несуществующих "нечто", то одно из них является препятствием другому, разрывая его на части и делаясь само частью другого.

17. Так же и другое, являясь препятствием первому, раскалывает его на части и делается само частью первого.

18. Таким образом создаются сами по себе несуществующие части.

19. Три сами по себе несуществующие части составляют три основных элемента существования.

20. Три сами по себе несуществующие основные элементы существования все три вместе образуют некоторое существование.

21. Если бы исчез один из трёх основных элементов существования, то исчезло бы и всё целое. Так: если бы исчезло "препятствие", то это и то стали бы единым и непрерывным и перестали бы существовать.

22. Существование нашей Вселенной образуют три "ничто" или отдельно, сами по себе, три несуществующих "нечто": пространство, время и ещё нечто, что не является ни временем, ни пространством.

23. Время в своей сущности едино, однородно и непрерывно, и потому не существует.

24. Пространство в своей сущности едино, однородно и непрерывно и потому не существует.

25. Но как только пространство и время приходят в некоторое взаимоотношение, они становятся препятствием друг другу и начинают существовать.

26. Начиная существовать, пространство и время становятся взаимно частями друг друга.

27. Время, испытывая препятствие пространства, раскалывается на части, образуя троицу существования.

28. Расколотое, существующее время состоит из трёх основных элементов существования; прошедшего, настоящего и будущего.

29. Прошедшее, настоящее и будущее, как основные элементы существования, всегда стоят в необходимой зависимости друг от друга. Не может быть прошедшего без настоящего и будущего, или настоящего без прошедшего и будущего, или будущего без прошедшего и настоящего.

30. Рассматривая порознь эти три элемента, мы видим, что прошедшего нет, потому что оно уже прошло, а будущего нет, потому что оно еще не наступило. Значит, остаётся только одно "настоящее". Но что такое "настоящее"?

31. Пока мы произносим это слово, произнесённые буквы этого слова становятся прошедшим, а произнесённые буквы лежат ещё в будущем. Значит, только тот звук, который произносится сейчас, является "настоящим".

32. Но ведь и процесс произнесения этого звука обладает некоторой протяженностью. Следовательно, только какая-то часть этого процесса "настоящее", тогда как другие части либо прошедшее, либо будущее. Но то же самое можно сказать и об этой части процесса, которая казалась нам "настоящей".

33. Размышляя так, мы видим, что "настоящего" нет.

34. Настоящее является только "препятствием" при переходе от прошлого к будущему, а прошлое и будущее являются нам как это и то существования времени.

35. Итак: настоящее является "препятствием" в существовании времени, а, как мы говорили раньше, препятствием в существовании времени служит пространство.

36. Таким образом: "Настоящее" времени – это пространство.

37. В прошедшем и будущем пространства нет, оно целиком заключено в "настоящем". И настоящее является пространством.

38. А так как настоящего нет, то нет и пространства.

39. Мы объяснили существование времени, но пространство, само по себе, пока ещё не существует.

40. Чтобы объяснить существование пространства, надо взять тот случай, когда время является препятствием пространства.

41. Испытывая препятствие времени, пространство раскалывается на части, образуя троицу существования.

42. Расколотое существующее пространство состоит из трех элементов: там, тут и там.

43. При переходе от одного там к другому там, надо преодолеть препятствие тут, потому что если бы не было препятствия тут, то одно там и другое там были бы едины.

44. Тут является "препятствием" существующего пространства. А, как мы говорили выше, препятствием существующего пространства служит время.

45. Таким образом: Тут пространства – это время.

46. "Тут" пространства и "настоящее" времени являются точками пересечения времени и пространства.

47. Рассматривал пространство и время, как основные элементы существования Вселенной, мы говорим: Вселен-

ную образуют пространство, время и ещё нечто, что не является ни временем, ни пространством.

48. То "нечто", что не является ни временем, ни пространством, есть "препятствие", образующее существование Вселенной.

49. Это "нечто" образует препятствие между временем и пространством.

50. Поэтому это "нечто" лежит в точке пересечения времени и пространства.

51. Следовательно, это "нечто" находится во времени в точке "настоящее", а в пространстве – в точке "тут".

52. Это "нечто", находясь в точке пересечения пространства и времени, образует некоторое препятствие, отрывая "тут" от "настоящего".

53. Это "нечто", образуя препятствие и отрывая "тут" от "настоящего", создает некоторое существование, которое мы называем материей или энергией. (Будем впредь называть это условно просто материей.)

54. Итак: существование вселенной, образованное пространством, временем и их препятствием, выражается материей.

55. Материя же свидетельствует нам о времени.

56. Материя же свидетельствует нам о пространстве.

57. Таким образом: три основных элемента существования Вселенной воспринимаются нами как время, пространство и материя.

58. Время, пространство и материя, пересекаясь друг с другом в определённых точках и являясь основными элементами существования Вселенной, образуют некоторый узел.

59. Назовём этот узел – Узлом Вселенной.

60. Говоря о себе: "я есмь", я помещаю себя в Узел Вселенной.

<Середина 1930-х>

СТАТЬИ
/2004-2009 гг./

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ТЕРМИНОВ "ЭТО" И "ТО" В КОНЦЕПЦИИ Я. С. ДРУСКИНА

Яков Семенович Друскин (1902-1980) – один из двух философов (вторым был Л. С. Липавский), входивших в эзотерическое объединение *чинарей* (А. И. Введенский, Д. И. Хармс, Н. М. Олейников), до сих пор более известен как интерпретатор литературного наследия Введенского и Хармса. Именно он, чудом избежав террора и блокады, спас архив последнего, а вместе с ним и уцелевшие рукописи Введенского после превентивного ареста обоих в начале войны. Позднее Друскин посвятил их творчеству интереснейшие исследования и комментарии.

Касаясь некоторых фактов биографии Друскина следует отметить, что в 1920-1923 годах он и Липавский учатся на философском отделении Петроградского университета у Н. О. Лосского. Как сообщает М. Мейлах, в конце занятий обоим было предложено остаться в университете при условии, что они осудят своего преподавателя (Лосский был отстранен от университета в 1921 году, то есть за год до высылки), но они отказались это сделать [2, 349]. Кроме того, в 1929 году Друскин заканчивает Ленинградскую консерваторию по классу фортепьяно, а в 1939 году получает второй университетский диплом уже как математик [2, 123].

Наследие Друскина колоссально и, к сожалению, еще только ждет своего открытия. Оно включает в себя большое количество сугубо философских трактатов, а также труды, носящие философско-теологический характер (многие до сих пор не опубликованы). Мы перечислим лишь некоторые из них: цикл "Вестники" ("Разговоры вестников" – сочинение в трех частях: "О некотором вол-

нении и некотором спокойствии", "Признаки", "О деревьях"), к нему примыкает небольшое произведение 1933 года "Вестники и их разговоры"; "Это и то", "Классификация точек", "Движение", "Признаки вечности", "О желании", "О голом человеке", "Происхождение животных" (эти семь трактатов, написанных между 1933 и 1938 годами, собраны в одной тетради и образуют единое целое); "Трактат формула бытия" (1945); "Рассуждение преимущественно в низком стиле" (1952); "Логический трактат: О непосредственном умозаключении" (1960-е годы); "Сон Явь"; "Псалмы"; "Видение невидения"; "Тайна креста" (1964); "Теоцентрическая антропология" (1964); "Рассуждение о Библейской онтологии" (1967).

Формула "это и то"

Философские сочинения Друскина конца 20-х – первой половины 30-х годов объединяет формула "это и то". Речь идет прежде всего о трактатах "Это и то", "Классификация точек", "Движение", "Признаки вечности", "Вестники и их разговоры". Попытаемся проанализировать эпистемологический статус терминов *это* и *то* в выстраиваемой Друскиным – по его собственному определению – "несистемной системе" знания.

В 1968 году, комментируя для М. Мейлаха трактат "Вестники и их разговоры", Друскин сказал: "Это и то – основные термины данного круга произведений, относящиеся как бы уже к языку послерефлексивному и обозначающие, условно говоря, имманентное и трансцендентное" [1, 94]. В 70-е годы в "Примечаниях к произведениям Д. Хармса" философ писал: "Это и то – термины, введенные мною в 1928 г. и обозначающие члены конъюнкции и дизъюнкции, применяемых при построении философских систем" [2, 365].

Почему *это* и *то* Друскин относит к языку *после-рефлексивному*? *Это* и *то* – стилистически нейтральные указательные местоимения, то есть языковые единицы, выражающие *определенную неопределенность* указывания (указания) или обобщения. *Это* и *то*, не называя имен (предметов, свойств или качеств), лишь указывают на что-либо присутствующее, или имеющее место. Однако *интуитивное* указание возможно и на до-рефлексивном уровне, равно как *осознанное* (осмысленное) – на рефлексивном (рефлексивном). Универсальность "этого" и "того" как терминов как раз и заключается в том, что они могут быть соотнесены с любым уровнем конструируемой – и одновременно опосредуемой ими – системы знания. В *этом* смысле *это* и *то*, безусловно, относятся к языку (уже) *после-рефлексивному*.

Это и *то* – в (их) стремлении указать на что-либо – тем не менее изначально указывают лишь на самих себя. Непредметное узнавание себя может быть охарактеризовано как первичный опыт со-знания, или само-рефлексии "Я". Саморефлексия, таким образом, обеспечивает "Я" безусловную включенность в конструируемую – развертываемую – им систему знания.

Союз "и", различающий "это" и "то", сам по себе не принадлежит ни (к) "этому", ни (к) "тому", но обнаруживает *между* ними некоторое различие. – Если "это" и "то" – обладание каким-либо знанием, то "и" всегда предопределяет его (место)нахождение, выбор направления движения и, в итоге, границу познаваемого. "И" – граница, или то, что пред-оставляет знание, или предшествует ему как со-знание.

Само различие, никогда не изменяя своей сущности, то есть никогда не переставая быть именно различием, может быть представлено различными способами в за-

висимости от целей и задач исследования. Друскин выделяет, например, разделение (это и то), отделение (это в отличие от того), оставление разделенного (запоминание). Всякое различие значимо только в том случае, если не нарушается "первый закон поведения" – "помнить то, что сейчас", на котором основано "правило осторожности". При его соблюдении в определенном месте исследование останавливается, в этот момент должен произойти *поворот*, обусловленный степенью безразличия. ("Поворот" – одно из ключевых понятий в философской системе Друскина, – "науке об этом и том")

Следовательно, поворот наступает тогда, когда "Я" уже до некоторой степени не различает себя, утрачивая при этом способность видения, или говорения. Молчание и есть не-различение, ничто. Преодолевает молчание, или превращает "ничто" в нечто поворот – то, что сейчас – настоящее, восстанавливающее *это* и *то* как прошлое и будущее, присутствующие в самом повороте не реально, но в возможности.

Поворот – это всегда событие, *ближайшее*. Или иначе, ближайшее событие для "Я" – возвращение к собственному существованию, не ближайшее – однонаправленное движение, автоматизм существования: "если два слова соединены в одном направлении, то уже второе ничего не обозначает" [3, Т. 1, 813]. Друскин поясняет это примером с временем и вечностью (время и вечность могут быть опять же представлены как "это" и "то"). "Ряд во времени" предполагает однонаправленное движение от чего-то к чему-то, при этом "всегда за одним идет другое". – Последовательность событий выстраивается как бы сама собой таким образом, что при попытке остановить движение и вычленив настоящее, то есть собственно происходящее как про-ис-ходящее, нас поджидает встреча с пустотой. На-

стоящее – сейчас – отсутствует. "Я" не принимает участия в событии (со-бытии) настоящего, "Я" запредельно (трансцендентно) по отношению к нему и пока не застаёт себя в происходящем. Необходим поворот. Поворот – начало события, когда мгновение, "это", или "сейчас" для "Я" не нуждается в наполнении чем-либо, ему самому не принадлежащем: "Я" уже захвачено полнотой собственного существования, – бесконечностью, реализовавшей прорыв времени в вечность.

Определенная неопределенность "этого" и "того" соответствует дефиниции *точки*. Однако сама формула "это и то" допускает двоякое прочтение: речь может идти как об одной точке, так и о двух.

В трактате "Классификация точек" философ называет точкой "что-либо, о чем можно сказать это и то" [1, 97]. И далее: "Это и то есть начало – то что имеет ко мне отношение сейчас, когда я обратил на него внимание" [1, 99]. Следовательно, речь идет об одной точке, пред-определяющей, или пред-вещающей близость *поворота*. Ее форма, или определение – по времени – совпадает с началом поворота, поэтому значение точки определяется близостью, а близость – соответствием. Некоторое несоответствие или небольшая ошибка в соответствии также необходимо принадлежат к соответствию, так как это место либо подготавливает поворот, либо он уже наступил.

Друскин задает вопрос: возможен ли переход от одной точки к другой? Перейти "от" чего-то "к" чему-то значит указать направление движения. Но точки не соединены, "это" и "то" как точки не занимают пространства, не имеют очертаний и существуют только под нашим взглядом. Но под нашим взглядом они неизбежно совпадают и в этом смысле лежат на одном месте. Перемещается взгляд, и существует, таким образом, только одна точка –

"точка зрения". В какой-то момент "Я" достигает границы знания и обозначив ее как предельную точку возвращается к собственному существованию, что по времени всегда совпадает с началом поворота. Точка поворота, различающая возможные направления исследования, всякий раз как бы предъ-являет выход в ход ("выход-в-ход") дальнейших рассуждений.

Друскин пытается классифицировать точки "старой" и "новой" системы и в результате приходит к последней: "Различие старой и новой системы – небольшая погрешность. Существует только одна система – новая, она содержит всего одну точку. Как классифицировать точки старой и новой системы? Различие здесь уже дано: одна точка и все остальные. Одну точку я определяю так: новая система, начало, существующее, имеющее ко мне отношение и т.д." [1, 99]. Точкам старой системы (всем остальным) соответствуют числа, определяемые порядком. – Тогда понятию границы соответствует уже не предельная точка, а линия, то есть прямая или ряд во времени, не имеющий ни начала, ни конца. "Я" как бы растворяется в бесконечной последовательности событий, что означает для него утрату возможности различения, или саморефлексии. Для "Я" это означает молчание, или не-существование.

В самом тексте трактата Друскин как бы балансирует на грани "старой" и "новой" системы, проверяя и перепроверяя собственную принадлежность к выбранному направлению исследования. При этом сохраняется и оберегается исходный принцип саморефлексии. Близость и отдаленность как способ иметь что-либо постоянно возвращает "Я" к самому себе, подтверждая его присутствие на границе "новой" системы – предельной точке. Именно предельная точка – "выход-в-ход" дальнейших рассуждений – позволяет "Я" лавировать между "этим" и "тем" и – по необ-

ходимости – изменять направление движения. В этом смысле весь текст трактата – место поворотов, обнаруживающих смысл происходящего при их "прохождении". Но так как это – "схватывание" смысла – длится лишь мгновение, то происходит своего рода непрерывное мерцание – "мерцание" смысла в "пространстве" текста. Мерцание и есть собственно происхождение, – то, что имеет место под нашим взглядом. "Точка зрения" как точка различения обеспечивает возможность говорения об "этом" и "том".

"Некоторое равновесие с небольшой погрешностью"

Термин "некоторое равновесие с небольшой погрешностью", введенный Друскиным в начале 30-х гг., – ключ к пониманию и истолкованию формулы "это и то". По существу, целиком формула (ее "инвариант") может быть представлена как "некоторое равновесие с небольшой погрешностью между этим и тем".

Во второй половине 60-х гг. Друскин писал в дневнике: "Слово нарушило равновесие. Первоначальное Слово нарушило равновесие ничто, создав мир – погрешность к ничто перед Богом" [3, Т. 1, 1054]. И еще: "Я нашел некоторую погрешность в порядке событий, имеющих ко мне отношение. Эта погрешность и есть начало философствования..." [3, Т. 1, 1063].

По Друскину, таким образом, философствование есть нарушение и восстановление равновесия между *этим* и *тем*. То есть онтологически концепция Друскина основывается на представлении о философствовании как рассуждении, опосредующем точку различения, или точку саморефлексии "Я"; гносеологически – на описании способов нарушения и восстановления (нарушения-восстановления)

равновесия между двумя ее состояниями – существования и не-существования; собственно *логически* – на представлении о системе, целостность которой также непрерывно нарушается и восстанавливается по ходу развертывания (развертывания-набрасывания) рассуждений об "этом" и "том".

Выше мы отмечали, что *определенная неопределенность* "этого" и "того" соответствует дефиниции *точки*. Поскольку же речь идет об одной и только одной точке, постольку "это" и "то", во-первых, могут рассматриваться как два ее возможных состояния, а во-вторых, – как сквозная точка ("выход-в-ход") и проходящая сквозь нее деятельность мышления. Тогда – при втором варианте рассмотрения – *определенной неопределенности* точки ("это") будет соответствовать *неопределенная определенность* деятельности ("то"). Оба определения в смысловом отношении являются "мерцающими", поскольку точка определяется через деятельность, а деятельность – через точку. Точка, структурирующая деятельность мышления, всякий раз застаёт себя на пределе возможного, одновременно различая и отождествляя "это" и "то" в состоянии саморефлексии, или "некоторого равновесия с небольшой погрешностью".

Если "это" и "то" – состояния присутствия и отсутствия, то граница *между* ними – она же предельная точка – может быть охарактеризована как состояние *присутствующего отсутствия* или *отсутствующего присутствия*. – Состояние, о котором, как мы полагаем, идет речь в трактате Друскина "Окрестности вещей" (1936): "Я начинаю с чего-либо, имеющего ко мне отношение. Тогда название чего-либо принадлежит мне, это – мое место. Но также и то, которое я отделил, – мое место. Место этого и того, место границы между этим и тем – тоже мои места. Но при даль-

нейшем отделении я увижу место совсем пустое. Когда всякое это отделено от того или всякое то от чего-либо, я увижу место совсем пустое, где уже невозможно прикасание, потому что нечего отделять. Но это место определенное, здесь я нахожусь. Если это определенное место – это, то возможность всякого определения – то. Между ними отсутствие: нельзя уже разделить это, отделить другое то, все отделено. Но это – и есть пустое место, здесь уже нет прикасания. Таким образом, что-либо уже не на месте этого, но скорее того. Я же – на границе, на месте отсутствующего, там, где это. Пусть такое это будет последним этим и также то – последним тем. Между ними – граница – некоторое отсутствие. Мне трудно удержаться на этой границе. Граница – отсутствие, но также и последнее это – отсутствие. Если же я вижу возможность какого-либо отделения – я на месте того. На месте того я имею и что-либо. Но я не должен остановиться ни на этом, ни на том. Я найду прочное место между границами этого и того, между границами двух предметов. Это место – где уже не может быть отделения, но поэтому это мое место, здесь только я: все, что имело ко мне отношение, отделено, но здесь самое близкое, хотя это и отсутствие. Это место, место отсутствия не определено и не названо. Его надо назвать и затем указать. Я назову его: имеющее ко мне отношение. Оно еще не указано, но оно должно быть, потому что на этом месте я. Оно названо, следовательно, существует" [3, Т. 1, 828-829].

В системе Друскина, системе одной точки, это место существует, может существовать, только как *место поворота*, всякий раз удерживающего "Я" на границе между знанием и незнанием, присутствием и отсутствием, существованием и несуществованием. – Между тем и другим – "некоторое равновесие с небольшой погрешностью". "Об

этом, – отмечает Друскин в дневнике, – я скажу коротко: небольшая погрешность присутствует всюду, как душа в теле, не занимая определенного места" [3, Т. 1, 973].

Бесконечное именование *этого* искомого места – места "Я" – одновременно ближайшего и отсутствующего, постоянно ускользающего от окончательного определения, но в то же время вмещающего в себя любое из бесконечного множества называемых с "этого" места отличных от него самого "мест" и "предметов", "вещей" и "окрестностей" – такова, очевидно, основная тема и проблема философствования Я. С. Друскина, его "науки об этом и том".

Цитируемая литература.

1. Друскин Я. Вестники и их разговоры; Это и то; Классификация точек; Движение // Логос. М., 1993. № 4. С. 91-101.
2. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда / Пер. с фр. Ф. А. Перовской. СПб.: Академический проект, 1995.
3. "...Сборище друзей, оставленных судьбою". А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: "чинари" в текстах, документах и исследованиях / Сост. В. Н. Сажин. В 2 т. М., 1998.

ПРОИЗВЕДЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОСТИ НА ПРЕДЕЛЕ МАНИФЕСТАЦИИ

Зададимся вопросом: что (в действительности) демонстрирует "Черный квадрат" К. Малевича? – Абсолютное совпадение оригинала и копии, (в этом Месте) они совпадают настолько, что оказываются неразличимы. Однако сегодня ситуация становится еще более интересной: оригинал картины Малевича оценивается в миллионы долларов, тогда как любая "копия" (или повтор, который способен сделать каждый) не будет стоить ни цента. И это очевидно: "Черный квадрат" не нуждается в повторе, – эта вещь самодостаточна и самодостоверна настолько, что обесмысливает саму возможность ее воспроизведения. (Однако анекдотичность ситуации заключается в том, что бессмысленность копирования отнюдь не исключает возможность подделки, на что провоцирует аукционная стоимость оригинала.) С ней необязателен даже визуальный контакт, любой способен представить ее в (собственном) воображении, – достаточно имени (названия "картины"). И это также парадоксально – название "картины" здесь полностью совпадает с тем, что она "изображает". – Зазор между означающим и означаемым полностью отсутствует. – "Картина" именно это и демонстрирует: присутствующее отсутствие этого зазора. Поэтому она является Знаком как таковым, или чертой соссюровского алгоритма, но уже не отделяющей означающее от означаемого, а соединяющей – *уже-соединившей* – их в одно целое. В этом смысле жест Малевича свидетельствует о том, что мы имеем дело с абсолютным произведением искусства. Что же при этом происходит с самим искусством? – "Черный квадрат" распрямляет *складку* произведения, лишая само произведение – произведение искусства – возможности быть таковым.

Возвышенное (эстетическое) нейтрализуется, утрачивая свое место. Происходит абсолютная геометризация того сакрального пространства, которое (в (до)модернистском искусстве) традиционно пред-назначалось для размещения/развертки в нем некоего события, сюжета, или Вещи. Вместе с тем "Черный квадрат" – это безусловно событие. Лат. *absolutus* буквально и значит "безусловный". Безусловное – синоним основания. Иначе, "Черный квадрат" может быть назван *событием как таковым*. Его самоосновность аутентична, или *есть* аутентичность, настаивающая на самой себе. Поэтому событие-как-такое всегда оказывается "знаковым". По существу, оно служит *точкой пристежки*, когда все остальные события, например, другие картины того же Малевича, в пределе всегда соотносятся – начинают соотноситься – именно с ним.

Причем не столь важно, *какие* вопросы здесь возникают (хотя это тоже показательно и *имеет значение*). Важно то, что они *возникают*. – Что такое "Черный квадрат"? Что этим хотел сказать Малевич? "Черный квадрат" – это *произведение*? Какое отношение всё это имеет к искусству?.. – Череда вопросов бесконечна.

Эта бесконечность (вопрошания) свидетельствует о том, что "Черный квадрат" с необходимостью должен быть назван *произведением*, но произведением *концептуальным*. В качестве концепта "Черный квадрат" всегда сохраняет собственную притягательность и актуальность. Если же он рассматривается (исключительно) в качестве произведения, всё происходит "с точностью до наоборот". – Черный квадрат (воз)действует отталкивающе, поскольку "созерцать" здесь собственно нечего. Поэтому в системе творчества Малевича эта "картина" выполняет (как минимум) двойную функцию. – Функцию замыкания/размыкания самой системы. Она функционирует как лакановский *objet a*,

который по отношению к самой системе оказывается одновременно и избыточным, и недостаточным. Теория "прибавочного элемента" в живописи, развиваемая Малевичем, воплощается именно таким образом.

Вещь и Место совпали, обозначив предел. – Место ("квадрат") оно же Вещь (черный цвет, символизирующий пустоту, "тьму", или "лишенность"), и наоборот. – Обратимость структуры Вещи и Места может быть проинтерпретирована и иначе. С. Жижек отмечает: "В своей замечательной работе "Объект века" Жерар Вейсман делает следующее предположение: разве модернистское искусство не было сосредоточено на том, как сохранить минимальную структуру возвышенности, минимальный зазор между Местом и занимающим его элементом? Разве не по этой причине "Черный квадрат" Казимира Малевича передавал диспозитив художника в его предельно элементарном, сведенном к голому различию между Пустотой (белый фон, белая поверхность) и элементом ("тяжелым" пятном квадрата) виде?" [4].

"Голое" черно-белое различие служит указанием на то, что высокое и низкое могут поменяться местами. – На что и обращает внимание С. Жижек: "Проблема заключается в том, что сегодня, в двойном движении прогрессирующей коммодификации эстетики и эстетизации мира товаров, "прекрасный" (доставляющий эстетическое удовольствие) объект все в меньшей и меньшей степени способен сохранять Пустоту Вещи. Парадоксальным образом получается так, что единственный способ, позволяющий сохранить (святое) Место, – заполнить его мусором, экскрементами, отбросами. Иначе говоря, именно художники, которые сегодня выставляют художественные объекты типа экскрементов, не столько подрывают логику возвышенного, сколько отчаянно стремятся спасти ее. А вот резуль-

таты этого коллапса элемента в Пустоту самого Места потенциально катастрофичны: не существует символического порядка без хотя бы минимального расстояния между элементом и его Местом. Иначе говоря, мы живем в символическом порядке только постольку, поскольку каждое присутствие появляется на фоне его возможного отсутствия..." [4].

Иначе, сегодня – в отчаянном стремлении спасти логику возвышенного – современное искусство переходит предел, предустановленный в начале XX века в творчестве К. Малевича. – "Переходит" посредством его снятия (в гегелевском смысле). "Снятие" предела не преодолевает сам предел, но оставляет его позади. Предел сохраняется в качестве "снятого" и напоминает о себе, упорствуя и сопротивляясь выходу на поверхность. "Снятый" предел заявляет о себе *симптоматически*. Что может (в действительности) занять место *черного квадрата* (место Возвышенного, потерявшего свое место)? – Непристойное: мусор, отбросы, экскременты и т.д. Концепт уступает место симптому. Уступает тогда, когда перестает восприниматься в этом качестве, т.е. в качестве концепта. Возникает "отчаянное стремление" (любой ценой) спасти/вернуть утраченное. Отчаяние свидетельствует о бессилии (как художественном, так и концептуальном). Если это и не конец искусства, то во всяком случае предвестие того, что он близок.

Известно, какое значительное влияние оказало творчество Малевича на становление и развитие русского авангарда [3]. В текстах Д. Хармса (экземпляр теоретической работы Малевича "Бог не скинут", подаренный ее автором Хармсу 16 февраля 1927 года, имеет следующее посвящение: "Идите и останавливайте прогресс") присутствует множество элементов, которые также могут быть названы "прибавочными" [3. С. 309]. Они рассеяны по всему корпусу

су хармсовских текстов, и уже одного их присутствия достаточно, чтобы смысл текста непрерывно сохранял собственную подвижность.

Как, например, в известной "Песенке ни о чем":

*Все все все деревья пиф!
все все все камня паф!
вся вся вся природа пуф!*

*Все все все девицы пиф!
все все все мужчины паф!
вся вся вся женитьба пуф!*

*Все все все славяне пиф!
все все все евреи паф!
вся вся вся Россия пуф!
«Октябрь 1929» [6. С. 93]*

Что означают эти междометия – "пиф", "паф", "пуф"?.. Какова их семантика?.. Прежде всего они являются собственно *междометиями*. Но скорее не с лингвистической точки зрения, а с сугубо терминологической. Уже лингвистика отводит им совершенно особое место среди других разрядов слов, или "частей речи". В этом ряду междометия занимают *последнее место* (последнее в ряду, но не по значению). Однако их (существо) характеризует то, что они оказываются соотносительными не с какой-либо отдельной частью речи (например, существительным или глаголом), но со всей совокупностью "самостоятельных" слов – "частей речи" – с одной стороны и "служебных" – с другой. При этом (по канонам лингвистики) междометия не связываются синтаксически с другими словами в предложении и не выступают в качестве его членов. Термино-

логически "междометие" является калькой с латинского *interjectio*, дословно – "вбрасывание" [2. С. 259]. Как "прибавочный" элемент оно "вбрасывается" в речевой оборот, занимая свое место между другими его элементами и акцентируя это "между" (первоначально междометие писалось с у – междуметие).

Какое же *место* помечает "прибавочный" элемент? Во-первых, он маркирует само место ("между"), которое сам же и занимает. Во-вторых, занимая это место, он буквально *занимает* (в значении: "брать в долг") его у смысла. Смысл как идеальная величина материализуется в знаке, структурирующем высказывание и/или текст в целом. Структурируя целое, "прибавочный" элемент одновременно оказывается и вписанным, и не вписанным (не вписывающимся) в смысловую ткань текста. Вернее, сама эта "ткань" должна быть (вос)произведена в акте/процессе интерпретации. "Прибавочный" элемент предоставляет саму возможность интерпретации, характер (направленность) которой зависит от того, кто выступает в роли интерпретатора. По сути, Хармс (большинство его "серьезных" сочинений) ставит литературоведение в неловкое положение, поскольку собственно литературоведческий анализ подобных текстов (в той мере, в какой он претендует на научность и объективность) оказывается проблематичным. На вопрос "Как может быть проинтерпретирован этот и подобные ему тексты?" может быть дан только один исчерпывающий ответ: как угодно (все зависит от желания, интеллекта и силы воображения). Необходимо лишь иметь в виду, что ни одна интерпретация в этом случае не будет являться "всеохватывающей" и/или "законченной" (т.е. "истинной"). "Прибавочный" элемент всегда сохраняет смысл в состоянии неопределенности. Иначе, смысл сохраняется ровно до тех пор, пока сохраняется его неопре-

деленность (на что "пиф", "паф" и "пуф" дают полную и бессрочную гарантию). Другими словами, если "прибавочный" элемент, занимая свое место, одалживает его у смысла, то в дальнейшем уже никогда не возвращает долг окончательно.

В философской системе Я. С. Друскина – одного из участников философско-литературного содружества чинарей, к которому принадлежал и Д. Хармс, – в качестве аналога "прибавочного" элемента выступают стилистически нейтральные указательные местоимения "это" и "то".

В трактате "Окрестности вещей" Друскин пишет: "Это, то, это в отличие от того, это как то, это и то, граница между этим и тем – все они имеют одно место" [5. С. 828]. О каком месте здесь идет речь? – Очевидно о том, на которое указывают "это" и "то". Указывая на *это* (единственное) место, "это" и "то" предъявляют его таким образом, что само *место* всякий раз оказывается точкой расхождения двух противоположных "смыслов-направлений" (термин Ж. Делеза). – "Единица делится надвое" (А. Бадью). У Друскина *это* и *то* делят единицу надвое до бесконечности. "Прибавочный" элемент здесь как бы предстает в *раскрытом* виде. Его избыточность и недостаточность раскрываются как *это* и *то*, или (непрерывно) "распределяются" между *этим* и *тем*. Возникает возможность установления различных (эксплицитных) отношений, которые являются точечными состояниями смысловой неопределенности, стремящейся к (само)определению. Понятие "небольшой погрешности", вводимое Друскиным, выражает само это состояние неопределенности (*определенной неопределенности* точки), акцентируя его подвижность: некоторое равновесие между этим и тем постоянно нарушается и восстанавливается. Но оно никогда не нарушается окончательно (до полного разрыва) и никогда не восста-

навливается целиком (до полной определенности). – Смысл "мерцает" лишь постольку, поскольку сохраняется "некоторое равновесие с небольшой погрешностью".

Вот как описывается феномен мерцания еще одним представителем содружества чинарей А. И. Введенским: "Пуускай бегаает мышь по камню. Считай только каждый ее шаг. Забудь только слово каждый, забудь только слово шаг. Тогда каждый ее шаг покажется новым движением. Потом так как у тебя справедливо исчезло восприятие ряда движений как чего-то целого что ты называл ошибочно шагом (Ты путал движение и время с пространством. Ты неверно накладывал их друг на друга), то движение у тебя начнет дробиться, оно придет почти к нулю. Начнется мерцание. Мышь начнет мерцать. Оглянись: мир мерцает (как мышь)" [1].

"Мерцание" смысла создает эффект головокружения. В текстах Друскина подобный эффект достигается за счет того, что происходит смешение терминов ("это" и "то"), которые никак не выделяются на знаковом уровне (пунктуационно), с указательными местоимениями как таковыми. – Последние перестают выполнять свою "служебную" – сугубо лингвистическую – функцию и на определенном этапе исследования (как правило, уже начальном) начинают вплетаться в смысловую канву рассуждений. Подобное смешение вызывает еще один эффект – эффект *смещения*. Поэтому в смысловом отношении текст оказывается системой точек, каждая из которых выступает местом *поворота* (еще один термин, вводимый Друскиным). Следовательно, "если два слова соединены в одном направлении, то уже второе ничего не обозначает" [5. С. 813]. Слова (и/или термины) "касаются" друг друга "на повороте", высвобождая само *место* для наполнения его новым смыслом. Все "места", собранные воедино, представляют собой

топологическое пространство текста. При этом переход от одного "места" к другому происходит мгновенно, при "выключенном" времени. Поэтому, как говорит Друскин, "я" знает лишь *начало мгновения*, конец которого утерян. Процесс письма превращается в своего рода *парение* между временем и вечностью (*между* "этим" и "тем"). В этом смысле понятие "начало мгновения" является тавтологией: мгновение и есть начало и наоборот – начало и есть, собственно, мгновение. Каждое мгновение *единственно*. – Мгновения не следуют друг за другом в некой последовательности, скорее всякая последовательность предстает, или предъявляет себя, мгновенно.

В "Исследовании об этом и том" Друскин отмечает: "Высказывание этого не переходит в высказывание того. Я заметил некоторый поворот, столкновение двух граней, прикасание чего-либо к чему-либо, и я сказал: это – то. Но я допустил ошибку, сказал это в отличие от того, то в отличие от этого. В некотором равновесии это будет небольшой погрешностью. Эта ошибка только возможна, я не смог сказать этого в отличие от того. Также эта ошибка есть высказывание – возможность перехода этого в то. Существует поворот, как соприкасание двух систем: старой системы с названиями, не имеющими значения, и новой мгновенной системой частного случая. Возможность поворота есть высказывание – переход этого в то" [5. С. 783]. И далее: "Сейчас и сейчас не соединены. Но прежнее сейчас не пропадает. Нельзя сказать "прежнее сейчас", есть одно сейчас – это, в определенное время и при определенных условиях. Есть некоторое несоответствие в том, что сейчас определяется временем и другими условиями – это несоответствие определенное. Что же касается до определенного времени и других условий – это возможность, никогда не осуществляющаяся" [Там же].

В понятийном плане термины "это" и "то" задают предел манифестации, который требует осмысления. Это *терминологический* предел, дальше которого в философском дискурсе пойти невозможно. Это не значит, что он не может быть преодолен, это значит, что он должен быть переосмыслен в *концептуальном* отношении. Тот же самое относится и к понятию "прибавочного" элемента, как он дает о себе знать в различных символических системах, будь то живопись или литература. По существу и К. Малевича, и Д. Хармса, и Я. Друскина объединяет как раз эта черта: пусть в разных областях, но они сумели коснуться одного и того же предела, предоставив последний тому, что именуется интерпретацией.

Цитируемая литература.

1. Введенский А. И. Серая тетрадь. – Режим доступа: <http://anthropology.rinet.ru/old/4-93/vvedemski.htm>
2. Голанов И. Г. Морфология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1965.
3. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда / Пер. с фр. Ф. А. Перовской. – СПб.: Академический проект, 1995.
4. Жижек С. Хрупкий абсолют. – Режим доступа: <http://xz.gif.ru/numbers/47/koka-kola/>
5. "...Сборище друзей, оставленных судьбою". А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: "чинари" в текстах, документах и исследованиях / Сост. В. Н. Сажин. В 2 т. М., 1998. Т. 1.
6. Хармс Д. Жизнь человека на ветру. СПб.: Издательство "Азбука", 2000.

ЗНАКИ-ИЕРОГЛИФЫ РАЗЛИЧЕННОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

В трактате Я. С. Друскина "О понимании" (в рукописи название отсутствует) утверждается тождество существования и обозначения. Существующее определяется к существованию возможностью обозначения. Разграничивая понятия *способности* и *возможности*, Друскин отказывается от употребления первого термина, поскольку существование того, кто обозначает, неотделимо от обозначения и обозначенного. – "Мое отношение к чему-либо, характер и способ обозначения – это и есть я. Мои обозначения – это обозначение меня самого" [З. С. 834]. Поскольку способности существуют только потенциально, эта потенциальность "предполагает существование меня, как субстанции, отдельно от моего отношения к чему-либо" [З. С. 834]. Но существование обозначающего, или высказывающегося, раскрывается как возможность обозначения, т.е. целиком определяется через обозначение, или означивание. Определенность существования предьявляет себя в знаке. Само "существование" оказывается знаком, существующим наряду с другими знаками, в том числе – и знаком "несуществования". Необозначенное, то, на что нельзя указать, есть несуществующее, но это (как бы) несуществующее тем не менее обладает некоторой реальностью. Его реальность сохраняет собственную неопределенность, которая также отмечена знаком. Метой "необозначенного" становится "неопределенность" и потому "необозначенное" (здесь) существует (может существовать только) как обозначенное. Иначе, "необозначенное" всегда уже (как-то) обозначено.

Поэтому на вопрос "существует ли субстанция обозначенного или чего-либо?" Друскин отвечает: "Мы не

можем говорить о субстанции чего-либо, потому что необозначенного не существует, если же что-либо существует, то только обозначенное, то есть что-либо это или то" [З. С. 835]. И далее: "Существование – это обозначение, то есть определенное существование, но существующее шире определенного существования, оно шире существования вообще" [З. С. 835]. Определенное существование представляет собой *срез* (термин Ж. Делеза и Ф. Гваттари) существующего или осуществляющегося – того или иного события, или состояния. Срез производится знаком в одно касание, т.е. мгновенно, но так, что в остатке всегда остается гораздо больший объем событийности, который в пределе оказывается бесконечным. Причем речь идет о прикосании к реальности: "Под знаками я понимаю не мысли или ощущения, но именно реальность" [З. С. 840]. Это (при)касание именуется Друскиным *поворотом*. Но какая реальность или реальность чего здесь имеется в виду? Единственную реальность, по-видимому, составляют знаки, имеющие отношение к тому, что происходит в *это* мгновение – здесь-и-сейчас. То, что происходит здесь-и-сейчас, есть ближайшее, вблизи чего мое существование каким-то образом дает о себе знать. Эта близость традиционно эксплицируется как *понимание*. Поэтому точка здесь-и-сейчас – это поворотная точка понимания, возвращающая мне мое собственное, или собственное мое, символически выраженное в каком-либо знаке.

Проблема заключается в том, что мое существование лишено индивидуального знака, но в то же время знак – это единственное, в чем может быть выражено то *мое*, или *собственное* (оно же "внутреннее"), которое для меня есть, с одной стороны, безусловно реальное, а с другой – столь же безусловно воображаемое и/или иллюзорное (триада Ж. Лакана). Возникает зеркальная обратимость реального

и воображаемого. Реальное обретает действительность в воображении (ровно) в той мере, в какой воображаемое действительно становится реальным. Мое существование лишено индивидуального знака, поскольку ни имя собственное, ни имя нарицательное не выражают моей самости (или индивидуальности) и изначально мне не принадлежат. Отсюда появляется возможность (или в каких-то случаях необходимость) самоименования, реализуемая в псевдонимах (у Д. Хармса их было более тридцати) или эзотерических терминах, таких, например, как *чинарь*. Если (вслед за Друскиным) придерживаться тезиса о том, что знаки образуют порядок реального, то плану воображаемого будет соответствовать представление о существовании самости, моего "внутреннего", или – в терминологии Ж. Лакана – *das Ding*. Воображаемый порядок реального выстраивается *символически*. Т.е. между реальным и воображаемым происходит своего рода *символический обмен* (термин Ж. Бодрийера), который с необходимостью должен быть выражен в знаке. Но уже не в простом, а в некоем особом знаке, способном выразить символическое отношение как таковое. Следовательно, он нуждается в имени.

У чинарей такой знак получает имя *иероглифа* (термин вводится Л. С. Липавским). В "Звезде бессмыслицы" – работе, посвященной прежде всего анализу поэтики А. Введенского, – Друскин отмечает: "Иероглиф двузначен, он имеет собственное и несобственное значение. Собственное значение иероглифа – его определение как материального явления – физического, биологического, физиологического, психофизиологического. Его несобственное значение не может быть определено точно и однозначно, его можно передать метафорически, поэтически, иногда соединением логически несовместимых понятий, т.е. антиномией, противоречием, бессмыслицей. Иероглиф можно

определить как обращенную ко мне косвенную или непрямую речь нематериального, то есть духовного или сверхчувственного, через материальное или чувственное" [2. С. 551]. У Л. С. Липавского, в частности, примерами иероглифов служат *листопад* (цикличность существования, оппозиция жизни и смерти), *огонь* (метафора света, оппозиция света и тьмы), *вода* (метафора текучести, оппозиция времени и вечности; в "Трактате о воде" у Липавского Стоячая Вода становится "твердой как камень") и другие Знаки, в том числе литературные (*Въезд Чичикова в город* в начале гоголевских "Мертвых душ") и кинематографические (*Уходящая вдаль Дорога*, которой оканчивается фильм Чаплина "Пилигрим").

Лингвистическая дефиниция идеограммы акцентирует: идеограмма – как письменный знак – обозначает (в отличие от букв) не звуки какого-либо языка, а *целое понятие*. Тем самым знак, называемый иероглифом, – знак-иероглиф – устанавливает и закрепляет символическое отношение, возникающее между порядком реального и планом воображаемого. Это отношение *переполняет* знак, в результате чего он как бы удваивается изнутри, одновременно и совпадая, и не совпадая с самим собой. Поэтому Друскин определяет иероглиф как "различное в том же самом или то же самое в не том же самом" [2. С. 551]. В этой связи ключом к прочтению формулы Друскина "это и то" может также служить понятие иероглифа. "Это и то" – это в одно и то же время и "два в одном" и "одно в двух", т.е. это и *единица*, которая непрерывно *делится надвое* (А. Бадью) до бесконечности, и два ее конечных/ставших состояния, между которыми всегда присутствует "некоторое равновесие с небольшой погрешностью" (второй термин Друскина, неразрывно связанный с первым – формулой "это и то"). Кроме того "это и то" составляют минимум и макси-

мум возможного. Минимумом здесь оказывается предел, дальше которого в философском дискурсе пойти невозможно. Иначе, это предельное сжатие, которое неслучайно (у самого Друскина) получает наименование *формулы*, – это то, что может быть названо пределом манифестации. Но это не только предел манифестации, это также предел сигнификации и денотации (терминологическая триада Ж. Делеза). Максимумом же здесь выступает бесконечность, или бесконечная возможность самоопределения "этого" и "того" в бесконечном множестве имен традиции. Это предельное расширение: *окрестности*⁵ "этого" и "того" необозримы.

Первоначально "это" и "то" в формуле (формуле/иероглифе) Друскина связывает союз "и". Но эта связка предполагает возможность утверждения и других отношений, по существу – *всех* возможных (символических) отношений, которые становятся равновозможными: это в отличие от того, это как то, это есть то и т.д. Поэтому "невозможно дать полный список преобразований" ("этого" и "того"), а единственным постулируемым правилом в "науке об этом и том" становится "правило осторожности". – "Вот в чем оно заключается: если два слова соединены в одном направлении, то уже второе ничего не обозначает" [5. С. 813]. Соблюдение предельной осторожности при разворачивании рассуждения способствует тому, что не ближайшее отсекается, остается лишь мерцающее настоящее – *это, сейчас, или начало мгновения*, конец которого утерян ("конец" одного мгновения совпадает с началом другого). Существование, *стянутое* в сквозную точку настоящего, занимает определенную *высоту*, ее знак – это новое имя, но новое имя – это всегда поворот, т.е. "переход

⁵ Еще один термин Друскина, требующий специального рассмотрения.

от одной высоты к другой". Высота же есть "различие в существовании", поэтому она (с необходимостью) должна изменяться, но все ее изменения свидетельствуют лишь об одном: "существуют различные степени реальности, но нет неполной или частичной реальности", – она (как и знак, знак/иероглиф) либо есть, либо нет [3. С. 838]. Поскольку высота всякий раз требует переобозначения, она оказывается одновременно и иероглифом (знаком различного существования), и "системой частного случая", так как при набрасывании рассуждений заново повтор предыдущей траектории движения (или *парения* между "этим" и "тем") исключен (и не имеет смысла).

Друскин задает вопрос: как возможны *другие* обозначения, *другая* определенность, "как существует что-либо, как оно возникает благодаря обозначению"? – И отвечает: "Это возможно только потому, что существующее шире определенного существования, шире всякой определенности. Существующее – это существующее вместе с несуществующим" [3. С. 835]. Определенное существование – тот или иной "частный случай" – никогда не является завершенным. А посему "требование полноты"⁶ лишено смысла" [5. С. 813]. "Система частного случая" задает ограничение, но граница предъявляется в знаке, или системе знаков, – это некая отграниченная область существования, окрестности которой всегда превышают регион обозначенного, поскольку знаковое пространство бесконечно. Тогда "частный случай" обречен на фрагментарность. И она отчетливо прослеживается, причем не только в творчестве Друскина, но характерна для "чинарного" искусства в целом. Самым "фрагментарным" безусловно должен быть назван корпус текстов Д. Хармса, менее "фрагментарны" (это не

⁶ Полноты в значении исполненности, т.е. полной завершенности.

так заметно, но только на первый взгляд) тексты Л. Липавского и А. Введенского (несколько особняком здесь стоит фигура Н. Олейникова). Однако о какой фрагментарности идет речь? Это ни в коем случае не "фрагментарное изложение", не некие "обломки", "остатки", или "отрывки" чего-либо. Пожалуй, это то, что может быть названо *концептуальной фрагментарностью*. Она концептуальна в том смысле, что содержит (и удерживает) в-себе определенное состояние или событие, являющееся – во всех возможных смыслах – знаковым. Каждый такой фрагмент передает вписанное в него положение вещей совершенным образом, или способом. Совершенным – не в смысле идеальным, это не *красивое письмо*, – положение вещей может быть и ужасающим или даже вызывающим отвращение (поздняя проза Хармса). Чинари отказываются от критерия красиво/некрасиво, в действие вступает принцип правильно/неправильно. *Правильно написанная вещь – это запись того, что покидает собственные окрестности*. Это то мгновенное, что происходит с происходящим здесь-и-сейчас. Иными словами, это осуществляющееся, захваченное собственным осуществлением (и вписанное в него). Это одна сторона события, состояния, происшествия или положения вещей – его *универсальная* "составляющая". Другой стороной события – его *уникальной* "составляющей" – оказывается оно само: событие всякий раз покидает собственные окрестности *иначе*. В *это* мгновение – так, в *другое* – по-другому. Но само событие не принадлежит ни одной из сторон, скорее наоборот: обе они принадлежат тому, что находится и распознает себя *между* ними. Иначе, совершенное событие, или *совершенный фрагмент*, выражает собой – своей собственной записью – тождество универсального и уникального. Наверное лучшей иллюстрацией тому может служить "Совершенный трактат

об этом и том". Приведем это рассуждение⁷ Друскина целиком.

"Скажу что-либо. И сказав что-либо, сказал это. Сказав это, сказал в отличие от того. Сказав в отличие от того, сказал и то. Сказав и то, сказал одно целое. Сказав в отличие от того, сказал одно. Сказав одно целое, сказал всего что-либо. Сказав одно, сказал всего это. Это будет первое основание, и в нем два направления: к одному целому и к одному. Скажу что-либо. И сказав что-либо, сказал это. Сказав это, сказал в отличие от того. Сказав в отличие от того, сказал как другое. Сказав как другое, сказал как то. Сказав как то, сказал в отличие от этого. Сказав в отличие от этого, сказал и это. Сказав и это, сказал одно целое. Сказав в отличие от этого, сказал одно. Сказав одно целое, сказал всего что-либо. Сказав как одно, сказал всего то. Это будет второе основание, и в нем также два направления: к одному целому и к одному. Заключение первое. Скажу это. И сказав это, сказал в отличие от того, и как другое, и как то. Скажу то. И сказав то, сказал в отличие от этого, и как другое, и как это. Заключение второе. Скажу что-либо. И сказав что-либо, сказал это, и в отличие от того, и то, и как другое, и как то. Также и то; и в отличие от этого и как другое и как это. Заключение третье. Первая часть. Скажу что-либо. И сказав что-либо, сказал это, в отличие от того, как другое, как то, то, в отличие от этого, как другое, как это, это. Подобно этому и то. И это есть одно – всего это или всего то. Скажу что-либо. И сказав что-либо, сказал это, то, одно то, другое то. Подобно этому и то. И это есть одно – всего что-либо. Вторая

⁷ "Совершенный трактат об этом и том" – фрагмент текста Друскина "Разговоры вестников"; этот текст (или цикл) объединяет девять трактатов и аккумулирует основные понятия, входившие в круг размышлений чинарей.

часть. Скажу это в отличие от того. И сказав это в отличие от того, сказал как другое. Но это – это. Если же отлично от того, то и то от этого. Поэтому сказав, как другое, сказал как то. Подобно этому и то. Заключение четвертое. Первая часть. Скажу это и то. И если скажу как одно целое и другое целое, то мне нечего разбирать. Если же как то и это, это будет различием в чем-либо. Если же как это и то, то и не сказав то, сказал то и это называется: сказать до того, как сказано. Скажу то и это. И здесь будет также, как если бы сказал это и то. Вторая часть. Скажу одно. И сказав одно, сказал это и в отличие от того и то, и в отличие от этого и все прочее: это – то – это – то. Одного же нет. Подобно этому и то. Скажу одно целое. И сказав одно целое, сказал что-либо. Но что-либо не сказать. Поэтому ничего не сказал. Одного нет. Основание всякого основания. Скажу что-либо. И сказав что-либо, сказал это, и в отличие от того, но не сказал: это в отличие от того. Тогда сказал как другое, как то, то. Также и то. Это стоит в том, то – в этом. Но стоит то в чем? В чем-либо. Что? Что-либо. Скажу что-либо. И сказав что-либо, сказал это, и в отличие от того и то, но не сказал это и то. Тогда перешел к тому, а от того к этому. Также и то. Это, то переходит в чем-либо. Когда это стоит – стоит в том. Когда переходит – переходит в чем-либо. Но это стоит в том – в чем-либо. Переходит в чем-либо к тому, и вот стоит в том. Стоит и переходит. Подобно этому и тому" [4. С. 811-814].

Тексты Друскина, безусловно, сложны для прочтения. Но этот текст просто нечитабелен. Его невозможно прочесть до конца, не потеряв нить рассуждения. Но именно этим он и завораживает. Как замечает Ж. Бодрийяр, "нас всегда очаровывает то, что своей логикой и своим внутренним совершенством полностью включает нас..." [1. С. 119]. Это трактат-иероглиф, его со-

вершенство заключается, с одной стороны, в его абсолютной закрытости (или эзотеричности), а с другой – в столь же абсолютной открытости (или экзотеричности). Чему же "открыт", или "распахнут", этот текст? Выскажем предположение: эта вещь написана только для того, чтобы уступить свое место интерпретации. Она, как и "Черный квадрат" К. Малевича, готова сделать это в любой момент (своего существования). Это единственный смысл, который "присущ" этому совершенному фрагменту, – совершенной вещи (*das Ding*), "вещи-в-себе" и/или "вещи-для-нас". Поиски чего-то большего, какого-то "скрытого" смысла, или "тайного" кода, здесь заранее обречены на провал. Но интерпретация в таком случае уже не будет интерпретацией чего-то *внешнего* по отношению к ней, т.е. интерпретацией некоего текста, предположительно обладающего своим собственным смысловым измерением, или содержанием. Презумпция (существования) смысла отменяется. Исчезает привязка к Смыслу – исчезает и привязка к Тексту. Следовательно, интерпретация *совершенного фрагмента* застает себя на месте *отсутствующего текста*. В состоянии саморефлексии она вынужденно захватывает (заполняет) это место целиком. В совпавших времени и месте возникает сквозная точка настоящего "здесь-и-теперь", – это всегда смещенная "точка зрения": точка самоименования смысла существования самой интерпретации. Задача обнаружения этой точки принадлежит к дальнейшим перспективам исследования "науки" об "этом" и "том".

Цитируемая литература.

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / пер. с фр. Д. Кралечкин. – М.: Академический проект, 2007.
2. Друскин Я. С. Звезда бессмыслицы // "...Сборище друзей, оставленных судьбою". А. Введенский, Л. Липавский,

Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: "чинари" в текстах, документах и исследованиях / Сост. В. Н. Сажин. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 549-642.

3. Друскин Я. С. О понимании // "...Сборище друзей, оставленных судьбою". А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников. Том 1. С. 835-841.

4. Друскин Я. С. Совершенный трактат об этом и том // "...Сборище друзей, оставленных судьбою". А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников. Том 1. С. 774-776.

5. Друскин Я. С. Это и то // "...Сборище друзей, оставленных судьбою". А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников. Том 1. С. 811-814.

"СОСЕДНИЕ МИРЫ" Я. С. ДРУСКИНА

В круг наиболее интенсивно обсуждавшихся чинарями понятий входили – среди прочих – термины "вестник" и "соседний мир", предложенные Л. Липавским. Они были "подхвачены" Я. Друскиным и Д. Хармсом, который, по воспоминаниям Друскина, в сентябре 1933 г. произнес: "Вестник – это я" [5. С. 128]. Что же обозначали эти термины, каков их смысл и почему они оказались столь востребованными внутри этого эзотерического содружества ("сборища") пяти друзей, "оставленных судьбою" – троих поэтов (Введенский, Хармс, Олейников) и двоих философов (Друскин, Липавский)? Все эти вопросы так или иначе отсылают к понятию или скорее *теме интерпретации*, поскольку лишь интерпретация способна предоставить то, на что она сама нацелена, из чего исходит и чем ведома. Иначе, она одновременно есть и способ, и возможность обоснования самого способа набрасывания рассуждений в отношении того, что подлежит раскрытию в качестве всегда уже каким-то образом предъявленного, т.е. поименованного.

Позднее Друскин вспоминает: "Соседняя жизнь, соседний мир – темы, интересовавшие Липавского: мы живем в мире твердых предметов, окруженные воздухом, который воспринимаем как пустоту. Как ощущает себя полужидкая медуза, живущая в воде? Можно ли представить себе мир, в котором есть различия только одного качества, например мир одних лишь температурных различий? Каковы ощущения и качества существ, живущих в других, отдаленных от нашего, соседних мирах, наконец, в мирах, может быть даже не существующих, а только воображаемых? Соседний мир может быть и во мне самом. Однажды Липавский даже предложил имя для существа из такого воображаемого мира: "вестник" – буквальный перевод

слова $\alpha\nu\tau\epsilon\lambda\omicron\zeta$. Но с Ангелами вестники не имеют ничего общего. Это именно существа из воображаемого мира, с которыми у нас, возможно, есть нечто общее; может быть, они даже смертны, но в то же время сильно отличаются от нас. У них есть какие-то свойства, которых у нас нет. Вскоре после разговора с Липавским о вестниках мне внезапно представился такой отдаленный от нас и в то же время чем-то близкий нам соседний мир вестников" [Цит. по: 5. С. 123-124].

В последней фразе Друскин имеет в виду "Разговоры вестников" – довольно объемный текст (или цикл), объединяющий девять трактатов, написанных им в 1932-1933 гг. В первом из них – трактате "О некотором волнении и некотором спокойствии" – рассуждение начинается с вопроса об отношении, связывающем *сказанное* и *несказанное*, как *это* и *то*. Здесь же возникает вопрос о том, *что* это за отношение и *как* оно устанавливается? Попытаемся на него ответить.

Между сказанным и несказанным присутствует нечто, что не принадлежит ни тому, ни другому. В смысловом отношении – это само "между", в буквальном (формальном, или грамматическом) – отрицание, закрепляемое (в "несказанном") префиксом "не". Эти два плана – смысловой и грамматический – образуют некое единство, имя которого сохраняет неопределенность, поскольку всегда оказывается на стороне несказанного. Сказанное – в его определенности – совпадает с высказанным в нем смыслом вплоть до полного исчерпания последнего. Повтор сказанного служит указанием на то, что сказанное в сказанном начинает испытывать нехватку смысла. Сказанное не нуждается в повторе, он ничего не добавляет к сказанному, но лишь удваивает уже высказанное, устанавливая пустое тавтологическое отношение. Но удвоение, или тавтология, –

это *различный* повтор, утверждающий сказанное в качестве *различного* (этого сказанного). Эта различность заявляет о себе в двойном смысле – как по отношению к сказанному, так и по отношению к тому, что превышает сказанное, что размещается за ним и не имеет имени, или обозначения. Место отсутствующего имени занимает отрицание – это "несказанное", которое само становится предельным именем сказанного.

Несказанное, в терминологии Друскина, составляет *окрестности* сказанного. Это соседний мир, близость которого дает о себе знать в момент его касания. На стороне несказанного – возможность высказывания, или, вернее, ее "место" располагается *между* сказанным и несказанным – между "уже-не" и "еще-не" существующим. Она может быть реализована только через высказывание, т.е. в самом акте высказывания. Иначе, все, что происходит (или случается), происходит между "этим" и "тем" (сказанным и несказанным). Если сказанное выражает какой-либо определенный порядок, то доминирующее отношение в этом порядке утверждается тем, кто высказывается. Это субъект высказывания, или, по Ж. Делезу, манифестатор ("Я"), отсутствующий в сказанном. Его отсутствие в сказанном обусловлено тем, что сказанное всегда уже высказано. То же самое относится и к записи, т.е. записанному. Но он также отсутствует и в несказанном, поскольку оно всегда еще не высказано. Тем самым между сказанным и несказанным возникает временное отношение, распределяющее, соответственно, первое и второе между прошлым и будущим. Настоящему принадлежит акт высказывания, в котором манифестатор расстается с самим собой в порядке высказываемого, исключая себя из того, что таким образом выражается.

То есть (со)присутствуют как бы два порядка, или плана, проникающие друг в друга в высказывании. В триа-

де Ж. Делеза они именуется сигнификацией и денотацией (третья структурная составляющая – манифестация – замыкает их на себе и одновременно является по отношению к ним "точкой бифуркации"). Сигнификация представляет порядок обозначения, денотация – то, что показывается в первом порядке в качестве обозначаемого. Иными словами, это порядки языка и мира. Они встречаются в высказывании, но если это происходит, то только благодаря тому, что понимание происходящего (здесь-и-сейчас) приходит со стороны миропорядка. Если же подобного самораскрытия не происходит, наступает состояние игнавии, или неразличенности, которое мешает видеть. – "Я" как бы "зависает" между "этим" и "тем", не имея возможности провести между ними различие. В своих дневниковых записях Друскин отмечает: "Игнавия <...> – это невозможность и быть при деле и не быть при деле (25 мая 1967). Материальная игнавия или по содержанию – абсолютное состояние и причина того, что я не пишу. Формальная игнавия – уныние от того, что я не пишу, вернее от того, что я не могу освободиться от материальной игнавии. Дело не в том, чтобы писать исследования, игнавия мешает видеть, и от этого я не могу ни писать, ни видеть (24 декабря 1945)" [Цит. по: 5. С. 362].

"Разговоры вестников" – в целом – в какой-то мере передают это состояние игнавии. Причем передают именно "в какой-то мере", или "в какой-то степени", поскольку все тексты цикла – так или иначе – опосредуют не состояние абсолютной неразличенности (высказывание или запись в этом случае просто невозможны), а скорее состояние *различной неразличенности*, которое позволяет высказываться об "этом" и "том" при соблюдении основного правила – "правила осторожности". Оно "основано на первом законе поведения: помнить то, что сейчас" [4. С. 813].

Это своего рода "мерцающее", или пульсирующее, "сейчас": оно служит поворотной точкой в рассуждении, чья направленность проявляется в момент различения двух противоположных смыслов-направлений. Поэтому в отношении "Исследования об этом и том" (а "Разговоры вестников" включают в себя три таких исследования) Друскин поясняет: "Первоначально это трактат о невозможности рассуждения. Затем о возможности рассуждения через перечисление способов невозможности рассуждения. Наконец построение видимости как явления сущности <...>. Исследование о высказывании этого и того. Высказывание одного возвращается к высказыванию *этого* или *того* и *того*. Это уже метод: как делить, как называть и как продолжать разделение. Но в "Исследованиях об этом и том" имеется и о названиях, и о погрешности, и о времени, и о мгновении, и о последовательности"" [Цит. по: 5. С. 362].

Иначе, это метод нарушения/восстановления миропорядка, собранного в предельной точке его языкового самоопределения. – Миропорядок раскрывается в той мере, в какой он соответствует собственной языковой проявленности. Это соответствие есть то единственное, к чему стремится манифестатор. В этом смысле "Разговоры вестников" могут быть проинтерпретированы диалогически. Тогда цикл представляет собой бесконечный диалог двух "соседних миров" – мира языка и языка мира. Их близость проговаривается, или прописывается, в высказывании-рассуждении, одновременно и размыкающем, и замыкающем то смысловое единство, которое этим мирам присуще. Это *различное* единство закрепляется в предельных терминах "это" и "то", символизирующих, с одной стороны, *необходимость* проведения различия, а с другой – всю *условность* последнего. Почему различие предъ-является *миро-порядком*, или всякий раз оказывается на стороне

языка *мира*, т.е. приходит с *той* стороны? Вероятно потому, что мир изначально предстает в некоей множественности, или как множественность в характеризующей ее разделенности. Но весть о мире приносит язык, поэтому любое касание мира (как "мира") происходит в имени, всегда уже имеющем собственное смысловое измерение. Названное имя в его смысловой наполненности отсылает к другим именам, образующим в порядке высказывания определенное единство, свойственное языку в целом. Неслучайно "всесилие языка состоит в том, чтобы говорить о словах" [2. С. 49]. То есть собственно миро-*порядок* укоренен в среде языка и производится высказыванием в той или иной последовательности рассуждений.

Что значит "в последовательности", как возможна "последовательность"? Последовательность есть переход *от* чего-то *к* чему-то. Первый шаг в последовательности – это переход от одного к другому, от "этого" к "тому". Но невозможно перейти, не проведя различие между первым и вторым. При этом различие не "проводится" (оно не протекает во времени), но возникает "в одно касание". Это не временной акт, но и не вечный. Поэтому переход происходит "в один миг", и сама последовательно возникает мгновенно. Одно касается другого. Но если *касается*, то ближайшего. Но такого ближайшего, которое различено как "ближайшее". Различенное ближайшее уже не совпадает с "первым", но сохраняет с ним близость как "второе". Оно *непосредственно* связано с первым, но *опосредовано* по отношению к нему различием. Следовательно отношение, возникающее между "первым" и "вторым", есть некое "третье", но оно первично по отношению к обоим ("первому" и "второму"). Оно мгновенно и нарушает, и восстанавливает равновесие между двумя – "этим" и "тем". Во втором трактате цикла – "Признаки" – Друскин акцентирует:

"Слово "первый" нарушило равновесие. Слово "предмет" нарушило равновесие. Отсутствие второго называют предметом. Слово "иметь" нарушило равновесие. Когда его произносят, равновесие нарушается. Слово "касается" нарушило равновесие. Чего касается? Уже не себя. Слово "то" нарушило равновесие. В нем есть некоторая определенность. Самое обыкновенное слово нарушило равновесие. Обозначение чего-либо, знак, некоторая определенность, которая есть сейчас, нарушили равновесие. Это как неопределенное движение, которое приостановилось" [3. С. 767].

На место "третьего" не может претендовать ни "первое", ни "второе". Это точка касания, в которой происходит, или возникает, "некоторое волнение" и устанавливается "некоторое спокойствие". Кто или что застаёт себя в этой точке? Ответ на вопрос "что" очевиден: само касание как таковое. Если же спрашивать о "кто", то эта точка может принадлежать только манифестатору, но скорее правильное обратное: манифестатор принадлежит этой точке, привязан к ней и не в силах с ней расстаться. В этой точке не может находиться никто, кроме него. Т.е. он должен целиком совпадать с ней, но так, чтобы само это совпадение присутствовало, или имело место для него в качестве различенного. Выполнимо ли это условие? – И да, и нет. – Поскольку оно выполнимо лишь при условии его несоблюдения, и наоборот. Различая себя в этой "третьей" точке, манифестатор застаёт себя уже в другом месте, в терминологии Друскина, он как бы меняет *высоту*. Но изменение высоты для "Я", как манифестатора, есть по существу единственный способ сохранить близость с тем, что для него действительно является близким, т.е. буквально *является* таковым. Поэтому "некоторое волнение" мгновенно переходит в "некоторое спокойствие", которое – как

остановка в пути – служит местом поворота, что позволяет продолжить путь, или изменить высоту. В "Признаках" Друскин говорит об этом так: "Если остановиться по дороге, не зная куда идти, то нет возможности продолжать путь в том же направлении. Если не дойти до второго, то направление потеряно. Поэтому остановка в пути есть вышина. Это в другом направлении, или здесь нет совсем направления, поэтому остановка в пути есть поворот. Если много поворотов – много высот и степеней высоты. Они не сравнимы: каждый поворот есть начало и возможность разных направлений, но ни одно не доведено до конца, а прежнее утеряно" [З. С. 766].

Что же происходит в точке поворота? – Если что-то *происходит*, то изменяется высота или степень высоты. Что это значит? – Только одно: при изменении высоты "Я", как манифестатор, получает возможность высказывания. Но получение этой возможности и ее реализация – одно и то же. В том смысле, что возможность является действительной только в том случае, если она реализована, или осуществлена. Реализация возможности высказывания осуществляется в самом высказывании, или самим высказыванием, когда различное обретает определенное единство. – "Различие слов – небольшая погрешность. Существование различных слов, замена одного слова другим, возможность выбора – вот что небольшая погрешность. Этим объясняется необходимость записывания" [З. С. 770]. Но различное обретает определенное единство лишь на *новой* высоте. Высоты не сравнимы постольку, поскольку ни одна высота не повторяет другую. Пусть между ними присутствует *минимальное* различие (в степени), но оно всегда *присутствует*. Но что здесь имеется в виду? – Только то, что предыдущая высота всегда просматривается и описывается лишь с *настоящей* высоты – "здесь-и-сейчас". Это

безусловно *разные* высоты. Но различие между ними маскируется высказыванием, как бы заполняющим тот пробел, или разрыв, который между ними когда-то (как будто) имел место. При этом предыдущая высота, описываемая с настоящей, как бы перебрасывается в будущее. Стрела времени изменяет направление на противоположное. Поэтому у Друскина, как и у Хайдеггера, "временность временится как бывшее настоящим будущее" [Цит. по: 1. С. 379]. Отсюда *настоящая высота* есть ни что иное, как собранный в высказывании взгляд манифестатора на самого себя с той или иной стороны, – со стороны мира, языка или другого как близкого, или ближайшего. Таких сторон – неопределенное множество. Это и есть "соседние миры", проецируемые всегда с той точки, которая как бы не считается. Она рассредоточена в высказывании, но им же и считается, но уже на новой высоте, традиционно именуемой интерпретацией.

Цитируемая литература.

1. Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М.: Республика, 1997.
2. Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. М.: "Раритет", Екатеринбург: "Деловая книга", 1998.
3. Друскин Я. С. Разговоры вестников // "...Сборище друзей, оставленных судьбою". А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: "чинари" в текстах, документах и исследованиях / Сост. В. Н. Сажин. В 2 т. М., 1998. С. 758-811.
4. Друскин Я. С. Это и то // "...Сборище друзей, оставленных судьбою". А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: "чинари" в текстах,

документах и исследованиях / Сост. В. Н. Сажин. В 2 т. М., 1998. С. 811-814.

5. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда / Пер. с фр. Ф. А. Перовской. СПб.: Академический проект, 1995.

Шадрин Алексей Анатольевич

**РЕАЛЬНОСТЬ
ПОГРАНИЧНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ «Я»
В «МЫРЕ» ДАНИИЛА ХАРМСА**

Монография

Авторская редакция

Компьютерный дизайн обложки В.В. Вельми

Подписано в печать 30.09.2009. Формат 60x86 1/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,01. Уч.-изд. л. 8,49.
Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.
Тел./факс: (3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru

ISBN 978-5-904524-20-3

